

**Дорогие
читатели!**

К вам пришёл десятый номер журнала. Этот номер журнала в определённом смысле является юбилейным. Оглядываясь на наши истоки, корни, на то, как рождался

«Оазис», хотелось бы отметить, что он является живительным родником сохранения культуры эмигрантов, носителей русского языка. Кто из наших читателей знает историю всех волн российской и советской эмиграции, тот знает, как много в ней было талантливых, по-настоящему интеллектуальных людей. И сейчас журнал пытается собрать их на своих страницах.

Очень давно – во времена Древнего Рима – философ Сенека заметил, что «Живёт только тот, в ком нуждаются». Журнал «Оазис» живёт потому, что он нужен, в нём есть потребность. Об этом свидетельствуют отклики читателей, которые приходят в редакцию. Мы надеемся, что наш «Оазис» является островком, который нас связывает с нашим, родным языком, с культурой, в которой мы выросли и которая нас воспитала.

И редакция решила в наш мини-юбилей предложить читателям маленькую подборку, напоминающую нам, где наши истоки, живительные родники, питательные соки – в целом корни.

«Мне нравится, что придёт другая жизнь, может быть, и хорошая. Но другая ответственность, духовность не придёт, если не опираться на старую».

Евгений Леонов

*«Шуршат пожухлые страницы,
Бумага жёлтая бледна.
Но сквозь заглавных букв ресницы
Какие смотрят времена!»*

Сергей Городецкий

Редакция

Worringer Str. 80,
40211 Düsseldorf,
Deutschland
email: pedakhovskaja@t-online.de
tel. : +49(0)211-35-22-40

Содержание

Обращаясь к классике

Г.ПЕДАХОВСКАЯ, И.ТРОСТАНОВСКАЯ. Поэт-романтик, поэт-борец.....3

Литература

Разные голоса О.ЛИХАЧЁВА. Стихи.....9
И.КОГАН. Стихи.....10
А.КРЕСС. Стихи.....12
В.ЛЕВЕНГАРЦ. Не прощайте, воспоминания.....13
А.МАНИОВИЧ. Здесь русский дух.....17

Журнал в журнале

Душевная гармония и здоровье

В.ТЫМИНСКИЙ. Юбилей Софи ТАХАЛОВОЙ.....19
Л.КАРА. Искусство постижения души.....21
С. ТАХАЛОВА. Легенда о долголетьи.....28
Ж.ТРОСТАНОВСКИЙ. Гуманитарное познание: духовность, дух, душа (Продолжение).....33
Е.ЩЕРБАКОВА Книги, которых, наконец, дождалась.....35

Литература (Продолжение)

В.РАВКИН. Этимологический маршрут от завтрака до ужина...39
Л.ОЛЬГИН. Психологический триллер.....42
Л.КАЗАРНОВСКИЙ. Инструктор по летанию.....44
П.ВАЙНБОЙМ. Занимательные истории о Бернардe Шоу.....46
Поздравляем Э.БЫСТРИЦКУЮ.....47

Оазис

выпуск 10/1.2008

Циредитель и издатель:

профессор Софи ТАХАЛОВА и
Всемирная Академия наук

Редактор

Галина ПЕДАХОВСКАЯ

Редакционная коллегия:

АЙЗЕНШТАДТ Рафаэль;
ВАРЕД ДАВИД ЯВЕД, художник;
КОЙФМАН Михаил, дизайн и макетирование;
ТАМАРИНА Рита, корректор;
ТАХАЛОВ Марк, технический редактор;
ТРОСТАНОВСКИЙ Жозеф;
ТЫМИНСКИЙ Владимир.

На первой странице обложки:
профессор Софи ТАХАЛОВА;
на последней странице:
Фоторабота Софи ТАХАЛОВОЙ

**Галина
ПЕДАХОВСКАЯ,
Дюссельдорф
Ирина
ТРОСТАНОВСКАЯ,
Дюссельдорф**

ПОЭТ-РОМАНТИК, ПОЭТ-БОРЕЦ

К 210-летию со дня рождения Адама Мицкевича

*Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушёл на Запад – и благословеньем
Его мы проводили...*

А.Пушкин

В конце XVIII века в мир пришли два гения славянской поэзии. 24 декабря 1798 года родился великий польский поэт Адам Мицкевич, а пять месяцев спустя – великий поэт России Александр Пушкин. Между этими двумя выдающимися людьми было много общего, что не раз подчёркивалось исследователями славянских литератур. О Пушкине Адам Мицкевич, переживший своего русского собрата почти на два десятилетия, писал: «Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше, чем единожды родился человек с такими выдающимися и разнообразными способностями». Эти слова можно отнести и к самому Мицкевичу. Он, как и А.Пушкин, «воплощал в своих произведениях, – как сказал М.Горький, – дух народа с наибольшей красотой, силой и полнотой».

Пушкин и Мицкевич всю свою жизнь боролись против несправедливости, гнёта и насилия во имя того грядущего времени, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Адам Мицкевич родился и вырос на хуторе Заосье близ Новогрудка (ныне – Беларусь). Впечатлительный мальчик надолго сохранил воспоминания о своеобразном колорите этого небольшого городка, некогда принадлежавшего литовским князьям, и о его обитателях.

Адам МИЦКЕВИЧ (1798-1855)

В 1815 году Адам Мицкевич переехал в Вильно и поступил на физико-математический факультет университета, а через год перевёлся на факультет истории и филологии.

Когда Адам повзрослел, его мать Барбара Маевская посвятила сына в историю своих предков – евреев, приверженцев лжемессии Якова Франка, которые в своё время крестились и стали праведными католиками. Дед Мицкевича Юзеф-Ежи Маевский был арендатором таможенных сборов в Польше. Сейм Польши принял постановление, лишившее евреев права арендовать государственные доходы. Это было ещё одним побудительным мотивом, вынудившим Маевского принять христианство. Видимо, это обстоятельство и побудило молодого Мицкевича начать изучение древнееврейского языка у известного знатока его ксёндза Шимона Жуковского, который также ознакомил юношу с историей и культурой евреев.

В студенческие годы Мицкевич вступил в тайное общество филоматов (друзей науки), члены которого ставили своей целью «трудиться на благо родины, науки и добродетели, примером и советом влиять на учащуюся молодёжь». Связь с филоматами не прервалась и после того, как Мицкевич осенью 1819 года закончил университет и был направлен в Ковно на должность учителя уездной школы.

Работая в Ковно, Мицкевич приезжал во время школьных каникул в Вильно, где обсуждал с единомышленниками общее состояние страны, пути распространения либеральных принципов, положение крестьян, национальных меньшинств.

В Ковно Мицкевич провёл почти четыре года. Это был не лучший период его жизни. Неудовлетворённость работой в школе усугублялась личной драмой: девушка, которую он полюбил, Марья Верещак, предпочла несостоятельному провинциальному учителю вельможного графа Гутткамера. Жизненные невзгоды компенсировались напряжённым творческим трудом, изучением французского языка, западноевропейской литературы, исторических и философских трудов. Именно к этому периоду относятся ранние поэтические опыты Мицкевича: «Песня филаретов», «Ода к юности», ставшая своеобразным гимном патриотической молодёжи, баллады и романсы – «Люблю я», «Первоцвет», «Тукай», «Холмик Марыли», «Свинтезь и Свитезянка». В этих произведениях, выросших на классической традиции, уже отчётливо проявился романтический пафос поэта. В Ковно были написаны также некоторые главы знаменитой поэмы «Дядя», в которой, в частности, провозглашалось: «Страдания отдельной личности – ничто по сравнению со страданиями народа... Поэтому задача каждого патриота – бороться прежде всего за счастье всего народа».

В 1823 году царские власти раскрыли сеть филантско-филаретских организаций, и Мицкевич вместе с другими членами нелегального общества был заточён в Виленскую тюрьму, где находился почти полгода. Освобождённый ввиду отсутствия прямых доказательств участия в антигосударственной деятельности, он в октябре 1824 года был графом Новосильцевым (царский наместник в Литве) выслан из Литвы и в течение четырёх с половиной лет жил в Петербурге, Одессе, Москве.

Вечный изгнанник с растворёнными в крови поэзией и любовью к родине, Мицкевич сразу стал в России знаком не определимой словами, но безошибочно угадываемой по напряжению чувств особой «польскости». «Мы все исходим от него», – говорят о нём сегодня поляки, как примерно то же мы говорим о Пушкине. Потому что сложными зигзагами притяжений и отталкиваний из Мицкевича действительно «исходит» вся польская литература после него. Как из Пушкина – русская. И потому ещё, что Мицкевич всегда был для Польши той духовной отметкой, которая на многие десятилетия обозначила порог её свободолюбия. Близость языков и в то же время всегда остро ощущавшаяся «европейскость» польской литературы и жизни вообще, жгучее чувство вины перед Польшей у лучшей части русского общества и восхищение стойкостью польского духа – из этих импульсов родилось когда-то российское полонифильство.

С России началась мировая слава Мицкевича. Польский профессор Бой-Желенский в статье «Пути гения» писал: «Пребывание А.Мицкевича в России сыграло в его духовной жизни колоссальную роль...»

Сборник стихов А.Мицкевича

Он был принят в России, как равный, в среду великих, венчаемый и чествуемый ими».

В столице Российской империи Мицкевича тепло встретили собратья по перу. Среди тех, кто составил российский круг знакомых Мицкевича, – Пушкин, Жуковский, Грибоедов, Вяземский, Баратынский, Веневитинов, Рылеев, Бестужев, братья Киреевские, Погодин. По словам Ивана Киреевского, пять иностранных поэтов приобрели тогда особую любовь русских литераторов. Это Гёте, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич. В «Обзрении русской словесности за 1829 год» Киреевский отметил, что через Мицкевича польская поэзия получила возможность «действовать на нашу поэзию». Такая степень осознанности присутствия Мицкевича в культурной жизни России тоже была задана сразу.

1825 год Мицкевич провёл в Одессе, где незадолго до этого жил ссыльный Пушкин. Ему повезло – стараниями новых друзей многоязыкая, пёстрая, хотя и абсолютно чуждая ему, Одесса была назначена местом его изгнания. В этом продуваемом насквозь морскими ветрами городе Мицкевич жил внешне легко и, казалось, даже беззаботно – театры, балы, новые знакомства, новые впечатления. В действительности же последние месяцы его жизни на юге были отравлены постоянной угрозой новых преследований.

Поэт уезжает в Москву и прибывает туда за два дня до восстания на Сенатской площади. В Москве сразу начались аресты. Мицкевич же многими нитями приятельства и дружбы был связан с декабристами. Весь трагический 1826 год он готовил в Москве издание написанных в России стихов – среди них был цикл «Крымские сонеты», вместивший поэтический итог двухмесячного его путешествия из Одессы по Тавриде. «Крымские сонеты» вошли в напечатанный в типографии Московского университета сборник «Сонеты». Стихи Мицкевича, созданные в пространстве чужой жизни с её крайностями и контрастами, полные душевного напряжения, жили отдельной жизнью, отражая внутренний, сокровенный мир польского поэта-изгнанника. Книга создавалась на фоне продолжавшихся арестов, следствия по делу мятежников, ожидания, а затем исполнения приговора. Среди казнённых был и близкий друг Кондрат Рылеев – первый переводчик стихов Мицкевича в России. Трагическая глубина «Сонетов» снова и снова привлекает внимание русских поэтов-переводчиков, каждый перевод привносит нечто новое в понимание скрытых в ритмах, в игре света и цвета, в памяти чувств поэтических образов.

В свой первый в России год на фоне влюблённости, в которой эхом все ещё отражалась первая страстная и несчастливая любовь, поэт пишет:

*Ах, брошу всех людей –
скажи мне только: где ты!
Ах, будь ты здесь со мной –
я отрекусь от света!*

Мицкевич написал несколько любовных сонетов, подражая Петрарке, которым был сильно увлечен, и несколько элегий – в них сильнее всего отразились пережитые им «житейские химеры» и превратности испытанных чувств.

Мы не знаем, кому из женщин посвящены написанные в Одессе «Разговор» и «Сомнение». Да это, наверное, и не столь существенно. Как писал биограф Мицкевича польский поэт М.Яструн, «истины, высказанные здесь, обладают свойством великой поэзии – всеобщностью».

Осенью 1826 года в доме Сергея Соболевского на углу Собачьей площадки и Борисоглебского переулка Мицкевич впервые увидел и услышал Пушкина, читавшего «Бориса Годунова». Потом был Петербург, где, как позже писал Мицкевич, однажды они стояли под одним плащом возле памятника Петру Великому, не ведая ещё своей судьбы.

И всё же в центре империи поэт испытывает душевный дискомфорт. В мае 1829 года он отправляется в путешествие по Германии, где встретился с Гёте, Швейцарии и Италии. Там до него дошла весть о восстании в Польше. Мицкевич сразу же предпринял попытку вернуться на родину, чтобы примкнуть к восставшим, но на несколько месяцев был задержан близ прусско-российской границы, а когда добрался до Польши, восстание уже было жестоко подавлено войсками Николая I.

Отложив на время работу над монументальной поэмой из жизни польской шляхты – «Пан Тадеуш», Мицкевич приступает к созданию «Книг польского народа и польского пилигримства», в которых выразил своё отношение к восстанию 1830 года. Это было публицистическое произведение, написанное стилизованной под библейскую прозой, обращённое к соотечественникам, оказавшимся после разгрома восстания на чужбине.

В «Книге польского народа...» Мицкевич обосновал идею «польского мессианства». Подчёркивая общность судеб поляков и народа Израиля, он проводил параллель между возвращением евреев на Святую землю из вавилонского плена и избавлением от неволи Польши, которая, по мнению поэта, как и народ Израиля, играет мессианскую роль в борьбе за свободу и братство народов.

Волнующим откликом на восстание явилась III часть романтической драмы «Дзяды». Автор ярко показал героизм и страдания польских патриотов, отразил историю преследования царскими властями виленской

организации филаретов, гневно обличал произвол русского царизма по отношению к поработанным самодержавием народам.

В 1834 году Адам Мицкевич женился на Целине Шимановской – дочери известной в то время пианистки Марии Шимановской, которая также происходила из семьи франкистов – евреев, принявших христианство в конце XVII века. До нас дошли восторженные слова Гёте о мастерстве Марии Шимановской, восхитившем веймарское общество.

В 1834 году была опубликована величественная поэма Мицкевича «Пан Тадеуш», ставшая национальной эпопеей. О великом произведении Мицкевича будут написаны многие тома учёных исследований. Нелегко найти определение этому внешне столь безыскусному произведению. Его реализм, удивительно яркое изображение шляхетской среды со всей её косностью, провинциальностью, радушием и склонностью к сутяжничеству, горячим, хотя и ограниченным, патриотизмом, пронизывающая всю поэму беспредельная тоска по родине, широкая панорама нравов, любовное воспроизведение быта и, наконец, мягкий юмор – вот элементы этого самого светлого произведения во всей польской литературе. Описанию своего края детских лет – холмистого края новгородских окрестностей, покоящегося под светом безоблачного летнего неба, его обитателей, запомнившихся поэту с дней юности, их быта, образа мышления и речи – неотступно сопутствует добрая улыбка, вызванная воспоминанием о безвозвратно минувшем прошлом. В «Пане Тадеуше» Мицкевич многократно противопоставляет романтическую иллюзию реальной действительности, раскрывая красоту жизненной правды. К этому противопоставлению идеала жизни всё сильнее примешивается оттенок трагизма, горького опыта, обманутых надежд, связанных с разгромом польского восстания и крушением надежд на свободу.

Мицкевич в поэме как бы до конца не развенчал иллюзии. И только в эпилоге поэмы, который никогда не издавался при жизни поэта, прорвалось его отчаяние. Быть может, Мицкевич счёл излишним ставить точки над «i», первые читатели «Пана Тадеуша» по собственному опыту знали продолжение эпопеи, историю подавления восстания и следующих двадцати лет. И хотя читатель знает дальнейший ход реальных исторических событий, и, тем не менее, закрывая книгу, он поддаётся магической силе поэзии, и подлинный финал, написанный историей, кажется ему менее реальным, чем оптимистическое окончание поэмы, преисполненное несокрушимой верой в торжество справедливости.

Он описывал мир, отошедший в прошлое. Поэтому ожесточение уступило место грусти, и острие сатиры притупил беззлобный юмор. Польские эмигранты, современники Мицкевича, воспринимали «Пана Тадеуша» как томимые тоской по родине изгнанники. Он переносил их на родину, в запомнившийся в детстве отчий дом. Их умиляли описания знакомого быта, шляхетских собраний, пиров, охоты, картины пажитей и лесов, тенистых прудов, постоянных дворов у дороги. Казалось, Мицкевич несколько снизил высокий полёт своей поэзии, описывая людей ничем не примечательных, заурядных, посвящая свой талант не только описаниям шляхетских усадеб и селений, но даже способам варки хорошего кофе и приготовления охотничьей солянки. Простота поэмы, её обыденность даже смущала некоторых. Не все и не сразу угадали в этой видимой простоте вершину поэтического совершенства, в её жизненном реализме – подлинную поэзию. Следующие поколения читателей уже лучше поймут многозначность, многоплановость и неисчерпаемое богатство этого шедевра, хотя и среди первых читателей были люди, понимавшие, что Мицкевич создал национальную эпопею. Станислав Верцель, видный представитель наиболее левого крыла эмиграции, писал: «Это надгробный памятник, положенный рукой гения, на нашей старой Польше, он показывает очам сыновей такой яркий образ их Матери-покойницы, что они читают в нём не только всю её душу, но узнают и живые черты её, переданные им же самим...»

Величие «Пана Тадеуша» безошибочно осознал Юлиуш Словацкий, наряду с Мицкевичем крупнейший польский романтический поэт. Именно он в гениально сжатых строках передал сущность переживания, какое приносит чтение «Пана Тадеуша»: «...перед этой поэмой рушатся престолы тёмного царства».

Романтические поэты стремились соединить поэзию с жизнью народа. Мицкевич осуществил это стремление в самом буквальном смысле.

Его поэзия стала формой, в которой народ, лишённый условий нормального развития, проявил своё существование. Она стала неиссякаемым источником, питавшим национальное сознание народа.

Поколениям поляков суждено было выстоять в «бою без славы», поле которого – «ров уединённый, а в память побеждённому поставят не крест, а виселицу над могилой». Надежда на возрождение народа, с такой силой выраженная в III части «Дзядов», помогала в самых безнадёжных моментах истории народа, когда не могли помочь никакие рациональные доводы. Поэзия Мицкевича в восприятии читателей выдерживает испытание временем.

«Пан Тадеуш» – последнее крупное поэтическое произведение Мицкевича. В последующие годы поэт занимался публицистической и педагогической деятельностью. В 1838 году он получил кафедру латинской словесности в Лозаннском университете, а два года спустя начал читать лекции в парижском Коллеж де Франс. В трех курсах славянской литературы Мицкевич охарактеризовал путь развития культуры славянских народов, подчёркивая её важный вклад в мировую культуру. В этих лекциях большое внимание уделялось мессианской роли, восприимчивой, по мнению Мицкевича, поляками у евреев.

Наступил 1848 год. Народные волнения охватили ряд стран Европы, в том числе и Италию. Мицкевич отправляется в Рим, где создаёт польский легион для борьбы против Австро-Венгрии – за свободу Италии и Польши. В числе легионеров было немало евреев.

Легионеры Мицкевича одержали победу над австрийскими войсками под Вероной. 12 сентября жители Вероны радостно приветствовали А. Мицкевича и его адъютанта А. Леви. На митинге, организованном в его честь, Мицкевич с воодушевлением говорил о героизме польских и еврейских легионеров: «Легионеры-евреи отличались отвагой и героизмом и заслужили почёт и уважение всех борцов за свободу». Именно в этот день, 12 сентября 1848 года, в Вероне было объявлено о ликвидации гетто: евреи получили право поселяться во всех районах города. По этому поводу состоялся большой народный праздник, а Мицкевича пригласили в местную синагогу, где он выступил с пламенной речью о доблести польских и еврейских легионеров и призвал к вечной дружбе между христианами и евреями.

Вскоре Мицкевич опубликовал обращение-манифест, который фактически явился программой деятельности будущего правительства свободной Польши. В нём, в частности, говорилось: «Свободная Польша будет родным домом для всех её граждан, без различия вероисповедания и традиций».

В марте 1849 года Мицкевич основал в Париже

газету «Трибуна народов». Его публицистические статьи призывали к борьбе с деспотией за свободу и справедливость на всей планете.

Русско-турецкая война, начавшаяся летом 1853 года, вызвала у Мицкевича новый прилив активности. Узнав, что в Бургасе создан отряд польских легионеров, готовых сражаться за освобождение своей родины от царского самодержавия, поэт отправляется в Турцию. Он стремится пополнить польский легион за счёт соотечественников, ранее боровшихся за свободу в Австрии, Венгрии, Германии, Италии. Вместе со своим соотечественником и единомышленником Михаилом Чайковским Мицкевич обсуждал возможность вступления польского легиона на территорию Украины с целью инициирования народного восстания казаков и крестьян и создания независимой Украинской республики.

Этим планам не суждено было сбыться. В конце октября 1855 года Адам Мицкевич заболел холерой и 26 ноября скончался в Константинополе. Его прах был перевезён в Париж и захоронен на кладбище Монморанси. В 1890 году останки Мицкевича были перевезены в Краков и погребены в нише собора замка Вавель.

Так закончил свой жизненный путь великий поэт, гений польского народа, один из его духовных вождей, творчество которого вошло в сокровищницу мировой культуры.

Прошло уже сто пятьдесят лет со дня смерти Адама Мицкевича. Но к его творчеству обращаются поэты-переводчики и сегодня. Переводы из Мицкевича появились в России раньше, чем где бы то ни было. И по количеству их Россия, обрекшая польского поэта на изгнание, превзошла все другие страны. В четырёхтомной библиографии «Польская художественная литература в русской и советской печати» в трёхсотстраничном томе, посвящённом Мицкевичу, сто страниц занимает перечисление изданий,

Дом-музей А. Мицкевича

переводов. Так что если попытаться, хотя бы вскользь, перечислить русских переводчиков Мицкевича, список бы получился внушительным. Начинают его имена Рылсева и Пушкина, Вяземского, Лермонтова, Бестужева. Сразу после польского восстания начинаются в России гонения на произведения поэта. И если переводы время от времени и появлялись в печати, то лишь потому, что имя автора не указывалось в публикации. Так были напечатаны первые переводы Ап. Григорьева, Н. Огарёва, Л. Мея, посмертно опубликованный лермонтовский перевод крымского сонета «Вид гор из степей Козлова» и переведённые Фетом «Дозор» и «Свидание в лесу».

И только с окончанием эпохи Николая I Мицкевич снова появился в печати открыто. К старым именам его переводчиков прибавились новые – А. Майков, В. Бенедиктов, а в начале XX века – И. Бунин, К. Бальмонт, В. Брюсов, В. Ходасевич.

В списке переводчиков Мицкевича огромное количество имён, мало или, может быть, даже ничего не говорящих сегодняшнему читателю. Это и В. Туманский, и И. Козлов – он первым перевёл все «Крымские сонеты», это А. Илличевский, царскосельский однокашник Пушкина, и В. Щастный, и соученик Гоголя по нежинскому лицее В. Любич-Романович, и князь С. Голицын, чьи переводы из Мицкевича обесмертил Глинка, написавший на них ставшие популярными романсы «Разговор» и «К ней». Это, наконец, Д. Минаев, М. Михайлов, И. Суриков и С. Дрожкин, Л. Пальмин, В. Крачковский, А. Коринфский и ещё десятки имен.

В советское время Мицкевича переводили Н. Асеев, П. Антокольский, Д. Кедрин, А. Тарковский, Н. Ушаков, М. Светлов, Л. Мартынов, В. Звягинцев, С. Кирсанов, Д. Самойлов, М. Зенкевич, Е. Благинина, Г. Оболдуев, М. Живов, В. Левик, О. Румер, А. Рубин, С. Мар, Аревич, А. Эпель, А. Гелескул – этот перечень говорит о том, что буквально никто из видных современных нам поэтов и переводчиков не мог не отдать свою дань восхищения творчеством великого поэта.

*Адам Мицкевич
Аккерманские степи*

*Я выплыл на простор сухого океана.
Безбрежен зелени – цветов и трав – разлив.
Качаясь, как ладья, возок плывёт среди нив,
Скользит меж островов коралловых бурьяна.*

*Смеркается. Кругом ни тропки, ни кургана.
Жду путеводных звёзд. Весь горизонт закрыв,
Алеют облака, – заря глядит в разрыв:
Зажёгся на Днестре маяк близ Аккермана.*

*И всё утихло. Стой! Я слышу, как скользнул
И притаился уж, как мотылёк вспорхнул,
Как, недоступные глазам орла степного,
Курлычут журавли в померкшей вышине,
Так слух мой напряжён, что в этой тишине
Уловит зов с Литвы... Но в путь!
Не слышно зова.*

Перевод В. Левика

Алушта днём

*С горы упал туман, как сброшенный халат,
Шумит, намаз творя, пиеница золотая.
Кладёт поклоны лес, порой с кудрей роняя,
Как с чётки дорогих, рубин или гранат.*

*В цветах земля. Цветы порхают и парят,
То вьются бабочки, как радуга живая,
Алмазным пологом всё небо закрывая.
И сушит стрекоза крылатый свой наряд.*

*Лишь там, где лысый кряж глубоко вдаль в
море,
Отпрянет и на шторм идёт опять волна,
Угрозу для земли тая в своём напоре.*

*Как тигра хищный глаз, мерцает глубина.
А дальше – гладь и блеск, и в голубом просторе
Играют лебеди близ мирного челна.*

Перевод В. Левика

Разные голоса

Оксана
ЛИХАЧЁВА

родилась в Петрозаводске. Живёт и работает в Санкт-Петербурге.
Автор поэтических книг: «Ради мгновения» (2000), «Сквозь листву» (2004), «Свободное плавание» (2007), ряда публикаций в журнале «Нева», участник нескольких коллективных сборников и альманахов, редактор и составитель коллективных сборников молодых поэтов – «Со-звучие», «Четверг. Вечер». Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

Из тесной заводи, где жизнь давно пресна,
среди кувшинок – узелков на память,
я рвусь к тебе, на ширь, ребром весла,
с решимостью, готовая поранить,
стереть ладони, но покинуть дом,
где дух свободы духотой измучен,
где мне, к мосткам привязанной трудом,
казалась песней жалоба уключин.

* * *

Какая благодать – указанный шесток:
нашёл его – и вот: не голоден, не болен,
сидишь в печном тепле, ничуть не одинок,
а более того, озвученно доволен –
трещи себе, трещи, незримый домовой,
подначивай меня в полночном диалоге...
Пусть эта болтовня окажется с лихвой,
чтоб позабыть к утру вчерашние тревоги,
торчащие внутри –

ни охнуть, ни вздохнуть, –
кому чужую боль выслушивать, кивая...
Не засыпай, сверчок, поговори, побудь,
Увы, беспечна я,

но, как и ты, живая.

* * *

На что променяли пузатые, сдобные чашки?
Там розы клубились, там ручки цвели позолотой!
Сидели с тобой, как бывало, купчихи-милашки,
в Мытищах сидели –

и пили вприглядку, с охотой.

А пели! Как пели!

Горланили, если честнее,
зато от души выводили, стараний не пряча,
и что-то внутри становилось теплей и вернее,
щемящиею нотой

себя в глубине обозначив.

Ни садиком дзэн,
ни пиалой с тайваньским улуном –
ничем не утешимся в поисках, в жажде ответа:
зачем нам, задорным,
безмолвие с привкусом лунным,
когда вдохновенье скрывается в недрах бумфета.

* * *

Влетим очумело, ворвёмся на «Боинге» в гости
и сутками – так как светло и ничем не
закрыто –
разглядывать станем дома и настенную роспись,
а роспись окажется средневековым граффито.
Так вот, ты – какая, в наивности детской,
раскраска!

Весёлое время, должно быть, и нравом и цветом,
где дочка баимачника искренне строила глазки
и клеился к ней подмастерье, краснея при этом.
А мы не умеем беспечно – какая досада!
А мы основательно, долго, с усердьем, натужно.
Вот взять – и усесться на фоне такого фасада,
как будто свои, и в отель возвращаться не нужно.

* * *

Танцуй, веретено, отравленное жало –
забылась, видит бог, столетняя вина,
тем более, что срок принцесса отлежала
и, говорят, была достойно спасена.

Подпрыгивай, кружись,
разбуженное мною –
не снилось фуэте подмосткам чердака,
и в ложе бенуар с дощатою стеною
я стану, как и ты, свободна и легка –

не пленница чужих, навязанных событий,
пойму, что мне теперь отчётливо видны
в прорехах потолка сверкающие нити
и звёздная труха небесной глубины.

**Исидор
КОГАН**

родился в Ленинграде. Жил в Риге, где около четверти века преподавал социологию и социальную психологию.

Автор сборника стихов «Голубая ворона»; публиковался в сборнике стихов русских поэтов в Германии «Муза Лорелея», в журналах «Литературный европеец» (Франкфурт-на-Майне) и «Даугава» (Рига), в сборнике стихов участников международных поэтических турниров в Дюссельдорфе 2001–2005 гг.

Член Ассоциации русских художников Латвии. Участник двадцати художественных выставок, из которых пять – персональные.

С 1997 г. живёт в Германии, в Реклингхаузене.

Авгур

*Спит вечный Рим. Но движутся фигуры,
Предавшие ночной уют,
Жрецы-молчальники, авгуры
Друг другу знаки подают.
Какой секрет, какая тайна
Навек сомкнула их уста?
Цена обмолвки их случайной –
Удавка: строг жрецов устав...
Небесные толкуют знаки,
Как волю бдительных богов,
И Рима прорастают злаки
На пепле и костях врагов...
Авгуры молятся так пылко –
До соли на спине рубах,
Но неприметная ухмылка
Блуждает на сухих губах.
Опёршись на кривой свой посох,
Стоит на площади авгур
Средь сонма мраморных фигур:
Богов во всевозможных позах.
Под его взором почва зыбка.
Крошиться вдруг начнут стопы,
Но гаснет странная улыбка
В тяжёлом грохоте толпы...
Шумит могучий Рим. Века в его запасе,
Его не видно края и конца,
Но выцедит кто мёд с имперских пчел –
Спросите у молчальника-жреца.
Спросите у надменного авгура,
Знамений толкованье чьё верно,
Он видит, как по Риму бродят куры
И с варвара руки клюют зерно?*

* * *

*Важное мешая с пустяками.
Я – ночной радист – стихи пишу,
Но «морзянка» тонет, словно камень,
В озере, что сдалось камышу.*

*От определений ускользая
Коброю от жёстких рук ловца,
Стих, что снег на солнце, тихо тает,
Не оставив малого слова...
Носятся над морем бурным души
Слов парящих, не нашедших суши.
Жаждают пониманья, не уступок,
Веруя – когда-нибудь проступят...*

Марку Шагала

*Почему коровы летают
И мычат в облаках: «Му?»
Синий ангел на скрипке играет,
Бычий профиль в цветах. Почему?

Голубые избушки, заборы.
Обнимает невесту коза...
Голубые равви, толкователи Торы;
Голубые Шагала глаза...

Протянулись из прошлого нити:
Звуки, запахи Витьбы-реки.
Где твой город, мистический Витебск?
Так же в поле цветут васильки?

Эйфель, Витебск теснятся соседски,
Волшебству подчиняясь руки.
Старый мастер рыдает по-детски,
Прижимая к лицу васильки...

На холстах – дней творенья сполохи,
Светоносный мерцает витраж;
Переделкинские чертополохи
Для тебя самый лучший пейзаж?*

*Покидая земную обитель,
Возвращаясь к хасидам своим.
Прошептал в забвенье: «Витебск, Витеб...» –
И – растаял, как розовый дым.*

Неба купол сапфирово-синий,
Облака на закате алы.
Плачут в танце шагаловских линий
Петухи, козы, рыбы, волы...

* * *

Стих писал я между делом, –
Критик вроде настоящ:
– Недотягивает в целом,
Но местами – стих блестящ! –
Фраза стала мне уделом:
Из-за гор, болот и чащ
Слышу ухом задубелым:
– В целом – плохо, стих – блестящ!
Надпись, мол, что "мене, текель"
На стене не различу.
Неоплаченный мой вексель –
Стих с собою прихвачу.
И обронит некто в белом,
Вездесущ и сущно-вящ:
– Недотягивает телом.
Мелкокостен и лядащ,
И мой дух отдельно взвесив,
Все деянья потроша,
Возвестит градам и весям,
Чем полна была душа.
И не знающий предела,
И неслышимо-звениящ
Воспарит над миром целым
Стих невидимо-блестящ!

* * *

Слова немые,
хромы,
как нимфы,
рифмы.
Изъеден мрамор,
в патине металл,
охрипли трубачи,
и дирижёр устал,
и в тишине твердеют мифы...
Веди ж, творец,
свою ладью угрюмо
подальше от земли,
шумит где праздный пляж.
Забота лишь одна –
полны, чтоб были трюмы
и в шторм, чтоб не подвёл
бывалый такелаж.
Блажен же будь, творец,
когда, закинув сети
в пучину, не имеющую дна,
улова ждешь. И краски – твои дети

способны нам затмить
само сиянье дня!

* * *

Поговорим о творчестве, брат Моцарт!
О тайнах легкокрылой красоты:
Нет троп туда, проводников и лоций,
И посвящённых двое: я и ты.
По совести, сей круг быть должен шире –
«Гениализм» без дна и берегов!
Всемирных гениев полно в подлунном мире,
Но только мы с тобой – любимчики Богов!..
У нас в прагенах абрис пирамиды,
Песок ты помнишь, жёлтый, как лимон?
Я – очень дальний родственник Изиды,
В тебя вновь воплотился Ра Амон...
Открой секрет мне звуковой парчи,
Кто вплёл в неё светил далёких нити?
А, впрочем, лучше, Моцарт, промолчи, –
Вдруг за спиной завистник и ревнитель.
Ты помнишь, как Сальери лез в жерло,
Чтоб музыки твоей измерить градус?
Не всё со смертью, верю, отмерло –
Витают где-то творческая радость...
О как ты заливался соловьём:
Париж и Вена – с веточки на ветку!
Воистину, как птицы, мы поём,
Не ведая про птицелова сетку.
Не приняв дерзких строк,
Ко мне читатель строг
И скрыть не хочет гнева, возмущенья:
– Скрутить бы наглеца в бараний, козий роз
За к Моцарту, хоть на дюйм, приближенье!
Сложи, мой недруг, плотницкий ранжир –
Обёрнут я в шелка, ты – в коконе портянок.
Я с Моцартом пишу неслышанный клавиру
Для ангелов и инопланетянок!..
Поверил ли ты сам, о Вольфганг,
в наше сродство?
Пускай, ты – океан, я – пресный водоём,
Но слога и мазка простит нам мир
уродство.
Мы – Моцарты, когда, творя, поём...
Божественный глагол, небесных лютней лад
И красок первозданное сиянье,
Вот, Моцарт, наш удел, наш крест,
Наш дар, наш вклад
И нашей жизни грешной оправданье...
В мелодии твоей всех певчих птиц полёт;
Моим, вороным, кто прельстится звуком?
– Дай руку, брат! И Моцарт подаёт
Мне известно изъеденную руку...

**Александр
КРЕСС**

родился в поселке Владынка в Северном Казахстане.

Учитель истории, русского языка и литературы. Его стихи и проза публиковались в Казахстане в районных, городских и областных газетах, в региональном литературно-художественном журнале «Нива». В Германии – в поэтическом сборнике «Антология-2001», в сборниках международных поэтических турниров в Дюссельдорфе, в альманахах «Средиземье», журнале «Оазис», газетах „Neue Zeiten“, «Контакт», «Кругозор», «Кругозор-плюс».

Читает лекции по истории России и Европы.

С 1998 года живёт в Дюссельдорфе.

От доброго огня...

* * *

Из испанского дневника

*Разбудила нас утром Испания
Тёплым ветром старинных дорог,
Крыши тёмные – крыльями памяти
И кладбищенский серый порог.
Из туманной своей деликатности
Горы выплыли к нам в тишине:
Сурбарановской, гойевской статностью
Зазвенели – в тебе и во мне...
Городки за предгорьями скорые –
Чистой нотой на тонкой струне,
Веткой пальмовой полдень предморья
Чуть качнётся на белой стене.
Удивлённые звёзды рассыпаны –
Нет конца узнаванию земли,
Проплывает под небом Испания,
Дни кончаются – новые дни...*

* * *

*Барселона – ветер светлый
В танце дня,
Лучик белый за оконцем,
Перевернутое донце:
Солнце – море,
Море – в солнце,
Храмы – улицы зелёного огня,*

*Есть на свете Барселона,
Значит – есть и барселонцы,
Есть мечта сюда вернуться у меня.
Чтобы снова – луч в оконце,
Наверху – безбрежья донце,
Чтобы голуби в полётном
Беге дня,
Над огромным домом –
Солнце,
Барселона, барселонцы –
Тёплый дым*

*Беззащитность пляжа,
Солнечные блики,
Почти рядом – небо,
Почти рядом – день,
Тел неузнаванье,
Взглядов прикасанье,
Над песочной влагой
Мысли – все с отвагой,
Всё синее море,
Всё светлее тень...
Мир почти далёкий,
Мир почти незримый,
Зашуршит он скоро
И разбудит лень,
Но пока – до срока –
Чисто и высоко
Над заветным морем –
Голубая сень...*

Из «Итальянских путешествий»

*Тенью грешной, тревожной, синей,
Рваным утренним сном – Верона,
На пасмурных серых зубах клавишных
Крик заплакал – лихой, вороний.
Улетело крыло из гнезда, ушло – не
спрячешь,*

*Бьёт, трезвонит, мертвит вражда,
Лист качает пустой вода,
Ослеплённый – любовью платишь...
Тяжелеет письмом стена,
Здесь – в едином исповедались.
...Мост веронский,
Почти – тишина,
Две судьбы, не спросясь, повстречались...*

Виктор
ЛЕВЕНГАРЦ,
Вунперталь

НЕ ПРОЩАЙТЕ, ВОСПОМИНАНИЯ

Уже больше года прошло с тех пор, как умерла Манана, и тоска временно покидала Левана только тогда, когда он спускался в мастерскую, но и здесь он не забывал о своём одиночестве.

Дочери уже стали взрослыми, обзавелись семьями и жили отдельно. К отцу часто приходила старшая, Нателла, приходила в дом, где она родилась, выросла, окончила школу, потом искусствоведческий факультет Академии художеств. Она приходила, садилась на свою любимую табуретку и смотрела, как отец работает. Иногда Леван ворчал: «Ишь, пристроилась. Приходишь ко мне не как дочка к отцу, а как искусствовед к художнику. Как на работу». На это она улыбалась: «Ты же сам хотел, чтобы я стала искусствоведом», – отвечала она, зная, что в этом ворчании есть доля правды, ибо в одной из глав диссертации, посвящённой возрождению грузинской чеканки и работам современных художников-чеканщиков, она анализировала творчество отца.

Был уже поздний вечер. Часть садика перед домом была покрыта травой, а часть – маленькими плитками, на которых валялись медные кувшины, покрытые патиной ковши, деревянные маски, обрезки медных и латунных листов. В стыках между плитами щётками пробивалась трава. Осенью она поблёкла, словно покрылась сединой, и приобрела серо-коричневый оттенок. Растущая здесь же старая груша своими мощными корнями приподняла и надломилась несколько плит. Ветвями широкой кроны она тянулась к солнцу, весной наливаясь соками, приобретая упругость, а зимой выдерживала порывы сильного ветра. В это вечернее время шум веток и музыка гудящего от напряжения ствола врывались в мастерскую. Весной почки лопались, превращая крону в шатёр из белых цветов, причудливым узором рассыпавшихся на голубом небе. Сейчас же, осенью, они напоминали рыбачью сеть, закинутую в тёмную синь моря.

Леван вышел из дома, закрыл за собой калитку и направился в старый город. Он любил его. В отличие от современной части там обитала душа города с распахнутыми окнами и открытыми балконами, с обсу-

даемыми новостями, с радостями и тревогами, с запахами каурмы, чурчхелы и молодого вина. Забыв о времени, можно часами блуждать по сети узеньких улочек. Там через улицу, от балкона к балкону, протянуты верёвки с бельём. Там перебрасываются последними новостями соседки, живущие по разным сторонам улицы. А там, на углу, в духане, можно выпить стакан кахетинского, полакомиться шашлыком или кебаби, приправленными луком, кинзой, ткемали, зайти в расположенную напротив хинкальную и задохнуться от запаха перца, дыма и свежего лаваша. Пронзительный крик зеленщика перебивает весёлый голос старьёвщика; мальчишки, гоня мяч, жуют персики, выплёвывая косточки на мостовую. Тут же шьёт сапоги сапожник. Свинцовобородые старики, греясь на солнце, играют в нарды, громко разговаривают, спорят, перебивая друг друга. Вот из-за угла показалась арба. Везущий её ишак остановился и, подняв голову, так заорал, что почти из всех окон и дверей квартала высунулись любопытные.

Услышав мелодичное звучание и, не разобрав, что бы это могло быть, Леван пошёл в том направлении, откуда оно доносилось. Вечерняя темень уже опустилась на город.

Редкие фонари светили так тускло, что, даже зная дорогу, можно было легко сбиться с пути в этой паутине улиц. Но Леван хорошо знал старый Тбилиси и мог ходить там с закрытыми глазами. Да и звучание бубна (прислушавшись, он понял, что это бубен) служило для него путеводной нитью. Быстро пройдя несколько коротких улиц, обогнув несколько домов, он вышел на небольшую площадь, даже не площадь, а площадку, на которой неожиданно для этого времени было много народа. Девушки, мужчины, парни стояли группами по три-четыре человека. Здесь же он увидел несколько знакомых. Эти маленькие группки образовали круг, внутри которого Леван заметил какое-то мельтешение. Сперва он не понял, что тут происходит, когда же подошёл поближе, увидел несколько танцующих, среди которых, вспышками молнии в стремительном ритме ударов, танцевала девушка с бубном. Тучи уже наполовину заслонили белый диск луны, она же продолжала танцевать при тусклом свете уличных фонарей. И бубен, летавший у неё в руках, едва освещённый этим светом, сверкал лунным сиянием. Её танец был и волнами моря в штормовую погоду, и звучанием инструментов в оркестре. И в то же время это был танец огня, танец пламени, языки которого переходили в линии плеч, в контуры рук, в очертания груди и всего тела, мятущегося в музыке звучащего бубна.

Она танцевала ночь.

Она танцевала утро.

Она танцевала дождь.

Она танцевала солнце.

Она танцевала весну.

Она танцевала жизнь. При этом каким-то напряжённым был её взгляд. Она танцевала, и стоящие парни и девушки, замороженные ритмом её танца, вошли в круг и тоже начали танцевать. В этом общем веселье вновь высвободившаяся от туч луна высветлила голову, покрытую сванкой. Под чёрной буркой из складок чоха-ахалури, опоясанного серебряным поясом с закреплённым на нём кинжалом в инкрустированных ножнах, выглядывали газыри. Сетью улочек и переулков старого города разбегались по скулам, по щекам, по подбородку – по всему лицу – морщины. В прищуренных, немного грустных глазах отражались боль и печаль, радость и восторг. Раздался последний удар по бубну. Он показался Левану самым сильным и самым звонким. Все танцующие вышли из круга и, зашебетав, как птицы ранней весной, стали куда-то собираться.

Леван посмотрел на девушку, на только что мелькавший бубен и, едва слышно, произнёс:

...и бубен свой

Берёт невеста молодая...

Он не сразу вспомнил, что эти строчки из «Демона» Лермонтова. Но, вспомнив, продолжил:

И вот она, одной рукой

Кружа его над головой,

То вдруг помчится легче птицы,

То остановится, – глядит –

И влажный взор её блестит...

У Мананы тоже был влажный взор. И он тоже блеснул. Её лицо всегда светилось, светилось улыбкой, светилось солнечным лучом.

– Леван, пойдём с нами, – позвал знакомый художник и, не ожидая ответа, взял его под руку. Это приглашение вывело Левана из задумчивости.

– Сколько сейчас времени, Тариел?

– Какое это имеет значение? Пойдём!

– Хорошо. Пойдём. Только не на долго.

Несколько человек пошли к скромному одноэтажному дому, в смущении прижавшемуся к стене своего двухэтажного соседа, словно ища у него защиты.

В мастерской, куда они пришли, праздновали осень. Матово-солнечным цветом винограда и персиков, ярко-красным цветом перца, краплением граната, охрой чурчхелы она ворвалась в большую комнату и зазвучала в развешенных по стенам чеканных полотнах.

...Он молился лозе, едва касаясь пальцами гроздьев.

– Смотри, отец, сколько солнца в этой ягоде. Я не хочу её срывать. Что останется? Ничего. Одни голые ветки. Как я её сорву? Разве можно отломать кусочек солнца и не обжечься?

– Отламывай, сынок, не бойся. И принеси этот кусочек солнца людям. Пусть будет много солнца, много вина, и люди за это будут благодарить тебя.

– Но ведь вино, отец, – это старость винограда. Это уже конец. Ягода потускнеет, лоза обнажится. Нет, осень – не хорошее время. Какое-то хмурое, неприветливое, сиротливое.

– Э-э-э, зачем так говоришь, сынок, – в улыбке старик зажмурил оба глаза и ещё плотнее прижал к себе кувшин. – Осень – это не конец. Осень – это красота. Смотри, что делается в саду. Смотри, сколько цвета! А какой виноград?! В каждой яголке улыбка Бога. Весь мир отражается в ней. А какое вино получится!

– Но вино, отец...

– Э-э-э... Что ты всё заладил... Старость... Осень... После осени наступит зима. Она успокоит землю. А потом весна и лето. И опять в ягодах будет солнце. Так было и так будет.

Леван, возбуждённый ночным приключением, возвратился в мастерскую уже под утро.

Когда была жива Манана и дочери ещё не обзавелись семьями и все жили вместе, то знали, что он любит работать поздно, иногда далеко за полночь,

и не волновались, если он не поднимался ночевать на второй этаж, в жилую часть дома. В мастерской стоял широкий топчан с постелью. Не разбирая её, Леван лёг, заложив руки за голову, и закрыл глаза. Но сон не приходил – во всём теле одновременно волновались и жили радость от увиденного и грусть воспоминаний. Перед ним всё кружилось в танце, и в центре этого круга мелькало её лицо. Поняв, что скоро заснуть не удастся, он поднялся, немного потянулся, чтобы размяться, подошёл к верстаку, взял латунный лист, карандаш и стал наносить очертания лица танцевавшей девушки. Только лица. Потом взял в руки нож и спокойными точными движениями обвёл намеченные карандашом контуры, нет, не лица, контуры образа. Наметил профиль, глаза, надбровные дуги, очертил линии губ и, поставив лист на верстак, отошёл посмотреть, что же получилось... И понял, что нашёл, нашёл «улыбку одну: так движение чуть видное губ». Леван начал отделять её от плоскости, музицируя молоточками и чеканами на латунном листе, словно на клавиатуре, словно на струнах. Как энергия дирижёра, рождаясь в партитуре и образе, усиливается в крови, в сердце и точными движениями рук и пальцев выплёскивается в оркестр, так и через чеканы в металл переходила не только энергия удара молотка и энергия его сильных рук. В металл переливалась сила и музыка его мышления, его духа, его страсти. В рождающемся лике он оставлял частицу себя. Его грусть становилась её грустью, его радость становилась её радостью, его муки – её муками. Это была его работа, его жизнь. Стало уже совсем светло, и печаль её пропала, появилась какая-то беззащитность. Она вытянула губы, ещё шире раскрыла глаза и, отделившись от плоскости листа, вышла, нет, вырвалась из тесноты металла. Она тревожно задышала, ресницы её задрожали, как крылья взлетающей птицы.

Убрав инструменты, Леван установил портрет вертикально, ещё раз посмотрел на него, как на уже законченную работу, и... изумился. На него смотрела его Манана.

...Проснулся он только к обеду. Потянулся, чтобы размять ещё сонные мышцы, и поднялся в жилую часть дома. Младшая Нанули уже сидела за накрытым к обеду столом, ожидая отца.

– Нанули! Добрый день! Вот так подарок. Ты давно пришла?

– Ещё утром. Заглянула в мастерскую, увидела, что ты спишь, и пошла на кухню посмотреть, что у тебя есть к обеду.

– Что-нибудь нашла?

– Именно «что-нибудь». Но я так и предполагала. Поэтому принесла всё, чтобы приготовить обед. Садись.

– Ты – умница! А почему не на работе?

– Папочка, ты заработался. Сегодня же воскресенье.

– Воскресенье так воскресенье! Совсем потерял счёт дням. Тогда и я отдохну.

Вместе с дочерью Леван пошёл в мастерскую, чтобы посмотреть на вчерашнюю работу. Обретя в работе настоящее и думая о будущем, он не хотел терять прошлого. А прошлое – это очень много, это то, что было и прошло, но что хочется обрести снова, может, обрести не для того, чтобы жить в нём, жить воспоминаниями, но, возможно, для того, чтобы оно было опорой настоящему. Левану показалось, что эта танцующая Анна пришла к нему из прошлого. И это не Анна, а Манана. Ведь с ней он познакомился на таком же празднике. Этот портрет возвращал ему прошлое.

Он вошёл в мастерскую и оцепенел. Лица танцующей Анны-Мананы не было. Вместо него зияла дыра, края которой были обрезаны точно по контуру. Сначала он подумал, что в мастерскую залезли воры, но сразу отбросил эту мысль. «Зачем им вырезать лик? Они бы взяли весь лист». В растерянности, не зная, что делать, он стал ходить по мастерской. Потом остановился, внимательно осмотрелся. Всё было на месте. Не было только лика. Не было его Мананы. Какое-то наваждение! Леван протёр глаза. Но лик не появился.

Решив сегодня не работать, Леван посмотрел на своё «Одиночество», так он думал назвать этот лист.

...В задумчивости сидит он на земном шаре. Голова опущена на руки. Руки лежат на согнутых коленях. Вокруг темнота, бездонность космоса и далёкие звёзды. Леван посмотрел на своё «Одиночество» и тяжело вздохнул. «Чего-то в ней не хватает. Но чего? Манана бы подсказала», – подумал Леван и вышел из мастерской.

– Нанули! – крикнул он дочери. – Я пойду немножко прогуляюсь. Ты не уходи, дождись меня.

– Хорошо! Обязательно дождусь.

Леван снова пошёл в старый город, туда же, где был прошлым вечером и прошлой ночью, чтобы встретиться со своей Анной-Мананой. Он пришёл на площадь, где вчера танцевали, но сегодня там никого не было. Только заходящее солнце покрывало узкие улицы лучами, расходящимися от площади. Было не то что светло, но вечерняя темнота ещё не наступила. Солнце излучало мягкий свет, медленно опускаясь за горизонт. Стены домов, деревья, кусты были освещены этим светом. В таком освещении было что-то искусственное, будто художник нарисовал этот оранжевый круг и на его фоне поместил старый Тбилиси. В то же время ещё не успевшее спрятаться за линию горизонта солнце напоминало купол собора в необычном вечернем освещении.

Может быть, поэтому Леван увидел в солнечном закате что-то божественное. Подул ветер, осыпавшиеся листья клёна, покрывавшие площадь, взвились, и Леван оказался в середине этого взвизгнувшего потока. То поднимаясь с порывом ветра, то опускаясь, когда ветер стихал, листья витали вокруг него, падали на плечи, на голову, на руки, забирались за воротник рубашки. Улыбаясь, он попытался их поймать. Но, словно принимая условия игры, они не хотели попадаться ему в руки. Наконец ему всё-таки удалось поймать один большой лист. Сколько же красок на нём! Леван всегда волновался, когда видел осенью опавшие листья и оголённые кроны деревьев. Что ж? Уже пришла осень. Так задумано природой. Но они не умирают, а просто засыпают в преддверии зимы. Ведь зима для них это время сна, как ночь для людей, только длиннее. Но наступит весна, и листья снова зашелестят на ветках. Всё же мысль об умирании природы, именно об умирании, осенью всегда приходила к нему.

Сейчас все краски были на этом листе. Как и все краски жизни. Ведь каждый этап нашей жизни имеет свой цвет. Да, зелёный – это цвет весны, это начало. Да, жёлтый и красный – это краски расцвета, коричневатый... Но есть ещё и белый. Белый цвет на голове. «Сколько же мне лет? – неожиданно для себя задумался Леван. – Последний день рождения праздновали... Когда же это было? Манана была ещё жива. Это она настояла, чтобы пришли гости. Сколько же мне тогда было? Ах да, это был юбилей. Белый цвет... Самый сложный, ведь в нём же все остальные цвета. Леван ещё раз посмотрел на уходящее за горизонт солнце и улыбнулся. Он понял, что должен сделать, и быстро пошёл домой.

– Нанули, я уже здесь, – крикнул он дочери, закрывая калитку. – Я иду к себе, в мастерскую.

– Давай вначале поужинаем.

– Ты ужинай, я поднимусь попозже.

Леван спустился в мастерскую и от удивления раскрыл рот. Его встречала пропавшая вчера Анна-Манана. Прислонившись к стене, она стояла там же, где он её вчера поставил, рядом с «Одиночеством». От неожиданности он потряс головой. Закрыл и снова открыл глаза. Лик был на месте.

На «Одиночество» он посмотрел уже не рассеянным взглядом, озадаченным неясностью, как закончить работу, а взглядом знающим, что нужно сделать. «Одиночеству», его одиночеству не хватало солнца, которое раньше светило. Этим солнцем была Манана. Леван взял резец и аккуратно от верхней части спины до колен очертил полукруг, потом в очерченном поле чеканом начал выглаживать поверхность листа. Выгладив диск, на фоне которого рельефно выделялась голова, он поставил лист и посмотрел, что же получилось. Получилось то, что не получалось раньше. В очерченном и выглаженном чеканом полукруге было солнце. Оно было таким сверкающим и ярким, как освещённый лунным светом бубен девушки, танцующей в ночи, девушки с двойным именем Анна-Манана. Леван взял горелку и, немного отнебавив солнечный диск, придал ему мягкость цвета заходящего солнца, того солнца, которое он увидел сегодня.

«Одиночество» Леван закончил не поздно. Поставил его рядом с «Анной-Мананой», вымыл руки и поднялся в жилую часть дома, где его ждала дочь.

Frau Professor
Sofi
TACHALOVA

Stalbergweg 285
NL 5913 BP Venlo

Tel.: 0031 77 320 07 05
FAX: 0031 77 352 17 87

Александр
МАНИОВИЧ,
Берлин

ЗДЕСЬ РУССКИЙ ДУХ...

По-разному возникает интерес к стране, которую ты стремишься впервые посетить. Это может быть навеяно прочитанным, кинофильмами, телепередачами, интересом к географии, истории и культуре. У меня интерес к княжеству Лихтенштейн был постоянен, сколько себя помню. И начался он в детстве с коллекционирования марок. Среди марок было много интересных, особенно нравились оригинальные по формату треугольные и ромбические марки экзотической страны, которая называлась Тува. Но лихтенштейнские миниатюрные марки были любимыми – они были самыми маленькими в коллекции, самыми красивыми и яркими. На них были портреты князей, виды замков, изображения рыцарей и их доспехов. А ещё – портрет красивого усатого-бородатого императора, который, как мне рассказывали, был любимым императором у народа своей страны и всегда ходил без охраны. Замечу, что Княжество Лихтенштейн входило в состав Австро-Венгрии.

Где точно находится Лихтенштейн, я не знал, но побывать там уже хотелось с детства. Потом прибавился интерес к этой «стране детства», потому что она никогда и ни с кем не воевала, не имела армии. Хотя было не совсем понятно, может ли такое быть. Интерес к стране, которую Гитлер «побоялся» захватить, заняв все страны вокруг Княжества. После войны начали пробиваться в прессе подробности интернирования в Лихтенштейн русской армии, воевавшей на стороне фашистской Германии, одобрительные высказывания Александра Солженицына об этом поступке лихтенштейнцев. Удивляло, что более полувека после войны Советский Союз не устанавливал дипломатические отношения с этой миролюбивой страной, которая не воевала против нас на стороне Гитлера. Ну, а уже в последние годы постоянно возникал вопрос, как самое маленькое государство в мире стало самым богатым, как в пятидесятилетнем Вадуце смогли появиться три крупнейшие зарубежные коллекции дореволюционного русского искусства.

И вот я в Вадуце. Об одном из этих собраний русского искусства – «Фонде Мясоедова–Зотова» – мне и хочется рассказать.

...Я мало что знал о творчестве Ивана Мясоедова, и перед поездкой решил ознакомиться с отечественной и зарубежной литературой о художнике. О личности и творчестве Ивана Мясоедова немного публикаций, а сообщаемое настолько детективно, что не знаешь, можно ли всему этому верить. Известно, что он был талантливым учеником академика Франца Рубо, который родился в Одессе в 1856 году, окончил Одесскую рисовальную школу, а затем Мюнхенскую академию художеств. Франц Рубо в 1913 году выехал из Санкт-Петербурга на лечение в Германию, где его застала Первая мировая война. Он остался в Германии, где в 1928 году умер в полной неизвестности и нищете. Известная панорама «Бородинская битва», в создании которой принимал участие и Иван Мясоедов, стала памятником Францу Рубо в России.

Иван Мясоедов был участником многих академических выставок, завоевал в них несколько престижных премий. По окончании в 1909 году в Санкт-Петербурге Академии искусств Мясоедов получил двухгодичное заграничное академическое пансионерство, и началась его легендарная зарубежная жизнь. Он посетил Германию, Грецию, Англию, Италию, гостил у Горького на Капри. В начале века Мясоедов долгое время жил в Испании, где под именем маркиза де Кразац выступал как профессиональный цирковой борец и даже был тореадором. С него в России начался «мускульный» спорт. Он опубликовал «Манифест чистой красоты», последователи его идей объединились в «Саду богов». Во многих мемуарах художники, в частности Фёдор Богородский и Петров-Водкин, описывают его редкую физическую силу и красоту тела: «Одно удовольствие было порисовать с него – так он нарядно подносил каждый свой мускул».

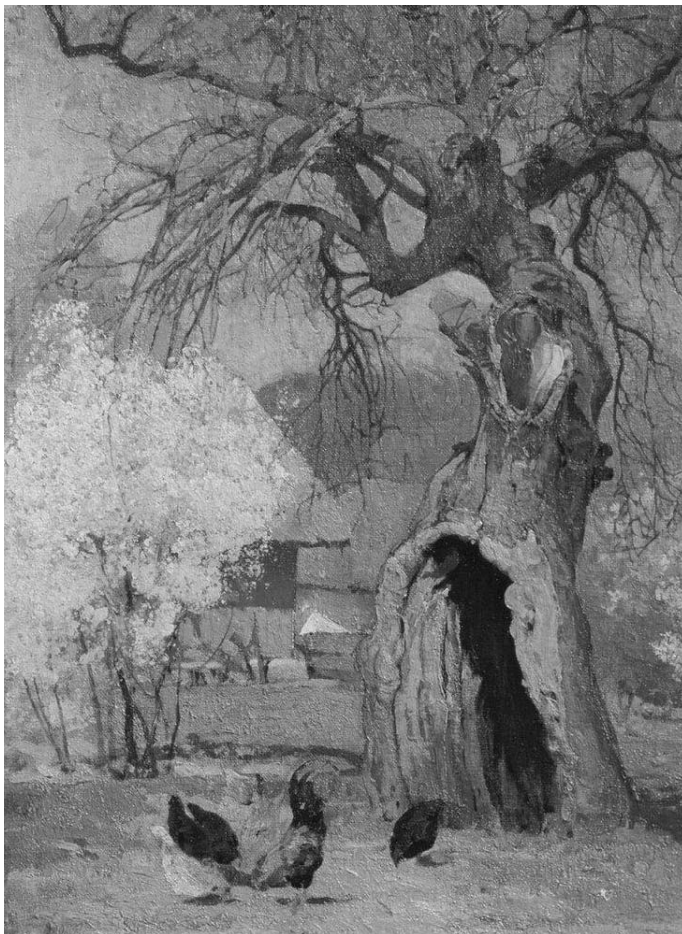
После революции Иван Мясоедов поселился в Берлине, где приобрёл мировую газетную славу и известность в полицейских кругах как... фальшивомонетчик-рецидивист. В скупых публикациях, которые мне удалось прочесть, сообщается, что в России произведений Мясоедова почти нет.

Несколько работ имеется в Полтавском художественном музее. Да, ещё я прочёл интересный рассказ Валентина Пикуля «Мясоедов, сын Мясоедова».

Мне посчастливилось быть знакомым с живущим уже много десятилетий в Вадуце бароном фон Фальц-Фейном, знаменитым собирателем русского искусства, меценатом, возвращающим России некогда вывезенные из неё произведения искусства. Именно ему я задаю свои вопросы о художнике, чья необычная судьба так меня заинтересовала:

– Эдуард Александрович, вы с Иваном Мясоедовым близко общались почти пятнадцать лет в последний период его жизни в Вадуце, выполнили его фотопортреты. Очень интересно услышать ваш рассказ о художнике, особенно об его эмигрантском периоде творчества.

– Действительно, Иван Мясоедов – удивительная личность. Талантливая, артистичная. И авантюрная. Унаследовать талант ему велел сам Бог. Он, ведь, сын художника-демократа Григория Мясоедова, по инициативе которого было создано знаменитое Товарищество передвижных художественных выставок. Общеизвестны картины Григория Мясоедова,

И. МЯСОЕДОВ
Дуплистое дерево

воспевающие русскую природу, крестьянский быт. Знаменитые «Земство работает», «Страдная пора. Косцы». Мать Ивана Мясоедова, Иванова, тоже была художницей.

Иван Мясоедов получил блестящее образование в Московском училище живописи и Петербургской Академии художеств. И пошёл другим путём. Он обладал редкой физической силой. Увлёкся спортом, «чистой красотой» и стал циркачом, борцом, гиревиком, тореадором. Проповедуя натурализм, снимался в пластических позах в костюме Адама. Иначе говоря, изображал античные статуи в «живых картинках».

Его фото 1905 года «Вах с виноградной гроздьёю на голове» очень часто публикуется. Причём, это фото обязательно помещается в туристических проспектах и публикациях, посвящённых Лихтенштейну. Совершенно непонятно, насколько оголённый Иван Мясоедов образца начала XX века может возбуждать сегодняшний туристический интерес к Княжеству. К слову, эпатажем увлекаются и современные художники. Полистайте, к примеру, альбомы Хундертвассера и вы увидите его «чистую красоту». Если по многим описаниям и фотографиям телосложение Ивана Мясоедова было великолепным, то у Хундертвассера... Женщины, когда видят снимки абсолютной наготы Хундертвассера, обычно удивляются: «Зачем он *Это* показывает?!» Не хочу сказать «кривое слово» о Хундертвассере. Он гениален.

Считается, что движение «Культура свободного тела» зародилось в Германии ещё в 1870 году под влиянием работ Фридриха Ницше. Культ «свободного тела» завоевал много сторонников в немецком обществе, им и ныне активно увлекаются в стране.

Приблизительно в 1939-1940 годах, ему тогда было около шестидесяти, Иван Мясоедов приехал в Вадуц. Россию же он покинул в 1921 году. До приезда в Вадуц он долгое время жил в Берлине, где выполнил много портретов российских дворян-эмигрантов, дипломатов, актёров. Снимался в кино. В Вадуц он приехал как профессор Евгений Зотов. Вместе с женой и дочерью. Его жена Мальвина Верничи, бывшая цирковая танцовщица, была красивой и темпераментной итальянкой. Она также увлекалась «уходом человека в природу», пропагандой обнажённого тела. Это была интересная пара. Он – крупный и плотный, с большой «толстовской» седой бородой, похожий на средневекового живописца или ветхозаветного пророка. Она – маленькая, миниатюрная. К мужу относилась с большим почтением, называя его «Хозяин». Когда он её обнимал, то покрывал её плечи одной ладонью». Мясоедов был похож на известный портрет царя в картине «Иван Грозный и его сын Иван».

Продолжение на стр. 37

**Владимир
ТЫМИНСКИЙ,**
профессор,
президент Международной Академии авторов научных открытий и изобретений
Ганновер

ЮБИЛЕЙ СОФИ ТАХАЛОВОЙ

В уютном зале недалеко от Кёльна собрались друзья и близкие профессора Софи Тахаловой. Эта встреча была посвящена юбилею – дню рождения известной целительницы и общественной деятельницы профессора Софи Тахаловой. Отметить 60-летие академика Тахаловой приехали гости и поклонники её таланта практически со всего мира. Здесь были представлены многие страны и даже континенты. В частности, здесь были гости из России, США, Израиля, Армении, Украины, Японии, Франции и ряда других стран, а также многочисленные пациенты, читатели её книг и поклонники её целительского дара.

В огромном зале с большой эстрадой, где обычно проходят крупные городские мероприятия, находилось более пятидесяти длинных столов. Практически за каждым столом сформировался маленький интернациональный клуб, члены которого говорили или пели на языках народов мира. Здесь же танцевали различные народные пляски, включая кавказские, можно предположить, что такому танцевальному репертуару мог бы позавидовать даже ансамбль Игоря Моисеева.

За центральным столом напротив эстрады расположился «главный штаб», или своеобразный «президиум» встречи – профессор Софи Тахалова, известный учёный и руководитель Японского отделения Академии профессор Тадаси Гоино, руководитель Армянского отделения Академии профессор Р.Г. Мелик-Оганджян, Президент Европейской Академии естественных наук профессор Владимир Тыминский, а также близкие и родственники юбиляра.

Необходимо отметить, что на этой встрече было всё: официальные поздравления, речи известных учёных, вручение подарков, выступления артистов и даже целых художественных коллективов. Звучали песни, исполнялись танцы и снова подарки и вновь поздравления, звучали музыка и добрые пожелания.

Ансамбль «Русская душа» исполнял многие любимые песни и танцевальные номера профессора Софи Тахаловой, поскольку программа выступлений была очень разнообразной.

Конечно, здесь была и любимая песня Софи «Уголок России». Очевидно, что перечислить и назвать всех участников этого праздника в рамках небольшой статьи невозможно, так как их было более пятисот, а сам вечер продолжался с шести часов вечера до трёх часов ночи, охарактеризуем лишь некоторые фрагменты этого торжества.

Профессор Р.Г.Мелик-Оганджян – большой друг профессора Софи Тахаловой, приветствуя её, огласил поздравление депутата Государственной Думы Российской Федерации Генерала Армии В.И.Варенникова и передал памятный подарок от России, он передал также поздравления от многочисленных друзей профессора Софи Тахаловой из России, Франции и, конечно, с Кавказа. Все это было сделано с особой теплотой и присущей только Рафаэлю Гегамовичу доброжелательностью и сердечностью.

Профессор Владимир Тыминский передал профессору Софи Тахаловой от Международного рыцарского союза памятную муаровую ленту с крестом Святого Георгия, от Итальянской Академии современного искусства оригинальные картины членов Академии, а от рыцарей Италии особый подарок – флаг рыцарского союза. Надо отметить, что профессор Софи Тахалова находится в зените своей общественной активности, она возглавляет большое объединение «Добрые руки», является Президентом Западно-Европейской Академии наук и культуры и возглавляет Международный рыцарский союз.

В последние годы госпожа Софи Тахалова активизирует свои международные контакты, она поддерживает интернациональные связи с очень большим числом различных стран.

Большой друг профессора Софи Тахаловой японский учёный и эколог профессор Тадаси Гоино вручил ей каталог собственной коллекции гравюр, выставка которых состоялась в Эрмитаже (Санкт-Петербург). Профессор Тадаси Гоино известен как один из видных представителей восточной школы целителей, поэтому его поздравление и слова приветствия были особенно приятны госпоже Софи Тахаловой.

Вручение наград профессору Софи Тахаловой и музыкальные номера постоянно чередовались, это был своеобразный фестиваль или творческий отчет коллективов и артистов – друзей госпожи Софи Тахаловой.

Приятно отметить, что многие близкие госпожи Софи Тахаловой в своих поздравлениях обращались к её любимым музыкальным произведениям – это были народные песни и танцы, а также и классические произведения.

Лина
КАРА

ИСКУССТВО ПОСТИЖЕНИЯ ДУШИ

Человек, как таковой, – это не вершина мироздания, не нечто, стоящее над природой, наоборот, он – частица природы, Космоса. На человека воздействуют все явления природы – его физическое, психическое и душевное здоровье зависит от бесчисленных природных факторов, даже от столь, казалось бы, обычных, как смена времён года, не говоря уже о таких космических явлениях, как вспышки на солнце, магнитные бури, расположение планет в данный момент, лунные фазы.

Организм человека реагирует буквально на всё его окружающее, например, на различные запахи – на этом основана ароматерапия. Слух, восприятие звуков самой различной тональности и громкости небезразличны для организма. Диапазон звукового воздействия очень широк – от благотворного до губительного. Именно на благотворной стороне звукового воздействия основана медитационная музыка. Вода, которая, как известно, является носителем информации, также воздействует на человека. В свою очередь, организм человека является носителем определённой энергии, степень интенсивности которой далеко не одинакова у разных людей, и даже у одного человека в разные этапы его жизни, и напрямую зависит от состояния его здоровья и настроения. Не секрет, что существуют люди, которые в силу своей природной одаренности могут фиксировать эти энергетические всплески организма, то есть видеть ауру конкретного человека.

Мы перечислили многое из того, что влияет на человека. Но стоит вспомнить об одном явлении, которое кажется нам столь естественным, что мы как бы его и не замечаем: мы все живём в свете и в цвете – в многообразии чистых красок, оттенков и полутонов, которые создаются семью цветами спектра. И здесь стоит задаться вопросами: только ли эстетическое наслаждение получает человек от этого пиршества цвета, а как реагирует его организм и, в конечном счёте, душа на эту цветовую гамму, одинакова ли эта реакция у человека здорового и больного?

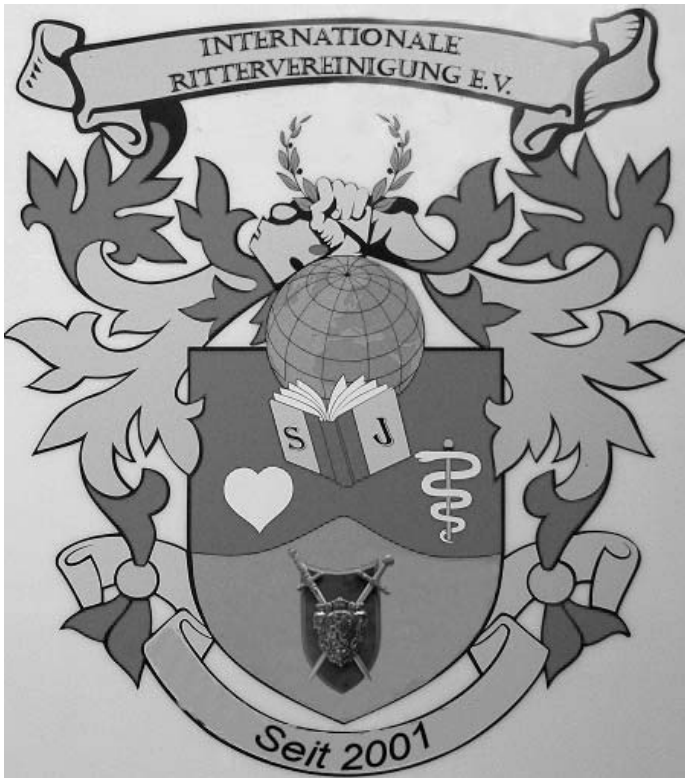
Профессор Софи Тахалова, используя свой новаторский метод фотографии, как бы проникает в душу конкретного человека, осмысливает увиденное и делает зримым в цвете его энергетический уровень.

Так в течение многих лет появились тысячи фотографий её пациентов, друзей и родных, в которых она отобразила сущность их душ.

А далее возникает следующий вопрос: какие эмоции, воспоминания, ассоциации, в свою очередь, вызывают эти фотографии – гармоничные, радостные или иные ощущения? Сливаётся ли душа с её цветовым аналогом, или портретируемый ощущает дисгармонию, душевный дискомфорт? Глаза как бы вступают в диалог с зоной ещё непознанного пространства, и человек сам может прийти к выводу, благополучен ли он душевно. По сути эти снимки становятся зеркалом нашей души. Но только ли переживания, вызванные по той или иной причине дисгармонией нашей души, могут вызвать изменения цветовой гаммы человека? Вспомним выражение «Душа болит». Как часто мы его употребляем, не вдумываясь в его глубинный смысл. А разве, не задевая нас, наши души проходят бесследно те исторические и социальные катаклизмы, которыми, к сожалению, так богата наша жизнь? Профессор Софи Тахалова провела уникальный эксперимент – она сделала видимой цветовую гамму своей души в момент высокого душевного напряжения (См. снимки на странице 23). Они вызваны впечатлениями, её размышлениями о трагических событиях в России в эпоху революции, в послереволюционные годы террора и насилия – годы надругательства над религией, уничтожения святых и, в конечном счёте, разрушения нравственности народа. Вспомните в тревожащие своей цветовой дисгармонией – сочетание желтого и черного – и напряжённостью форм фотографии. Они отчётливо выражают трагизм того, уже ушедшего в историю времени. Так возникают новые пути познания души в конкретный момент бытия, которые определяют наши настроение и душевное здоровье. В свете всего вышесказанного необходимо знать, каково психофизиологическое воздействие каждого цвета на конкретного человека.

Дорогой читатель! Вам предложен ещё один способ самопознания. Вы можете увидеть, совпадает ли ваше представление о самом себе с реальным уровнем ваших сегодняшних возможностей, и вам предлагается совершенно новая методика корректировки своего душевного состояния и гармонизации личности.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫЦАРСКИЙ СОЮЗ

Международный рыцарский союз, созданный в Германии (Ганновер, 16.10.2001), объединяет выдающихся людей различных стран и преследует следующие конкретные цели:

- изучение возникновения и развития рыцарских орденов;
- исследование деятельности современных рыцарских движений, собрание и сохранение рыцарских традиций и их знаков отличия;

- распространение информации об истории рыцарских орденов, об их прошлом и настоящем;

- знакомство с рыцарями современности и распространение информации об их деятельности с целью поощрения и общественного признания их заслуг;

- осуществление благотворительной деятельности и возрождение благородных рыцарских традиций.

Международный рыцарский союз – это общество, которое работает в тесном контакте с многими немецкими научными и культурными сообществами, с Европейской Академией естественных наук. При этом он развивает связи с другими рыцарскими орденами Европы, например, с Орденом Святого Станислава, Мальтийским орденом и другими рыцарскими союзами.

По решению Президиума Международного рыцарского союза его ближайшей задачей является подготовка издания «Сто выдающихся деятелей мира – рыцарей XXI века».

В соответствии с решением Общего собрания Международного рыцарского союза с 2008 года его руководителем избрана профессор Софи Тахалова. В истории международного рыцарского движения это первый пример, когда рыцарский союз возглавляет женщина. Именно поэтому необходимо сейчас отметить, что профессор Софи Тахалова – член многих научных союзов, кавалер ордена Святого Станислава, а также ряда других рыцарских наград. Профессор Софи Тахалова известна как общественный деятель, творческий человек, автор большого количества публикаций по проблемам здравоохранения и инициатор ряда благотворительных акций.

Международный рыцарский союз под руководством профессора Софи Тахаловой вступает в новый этап своего развития.

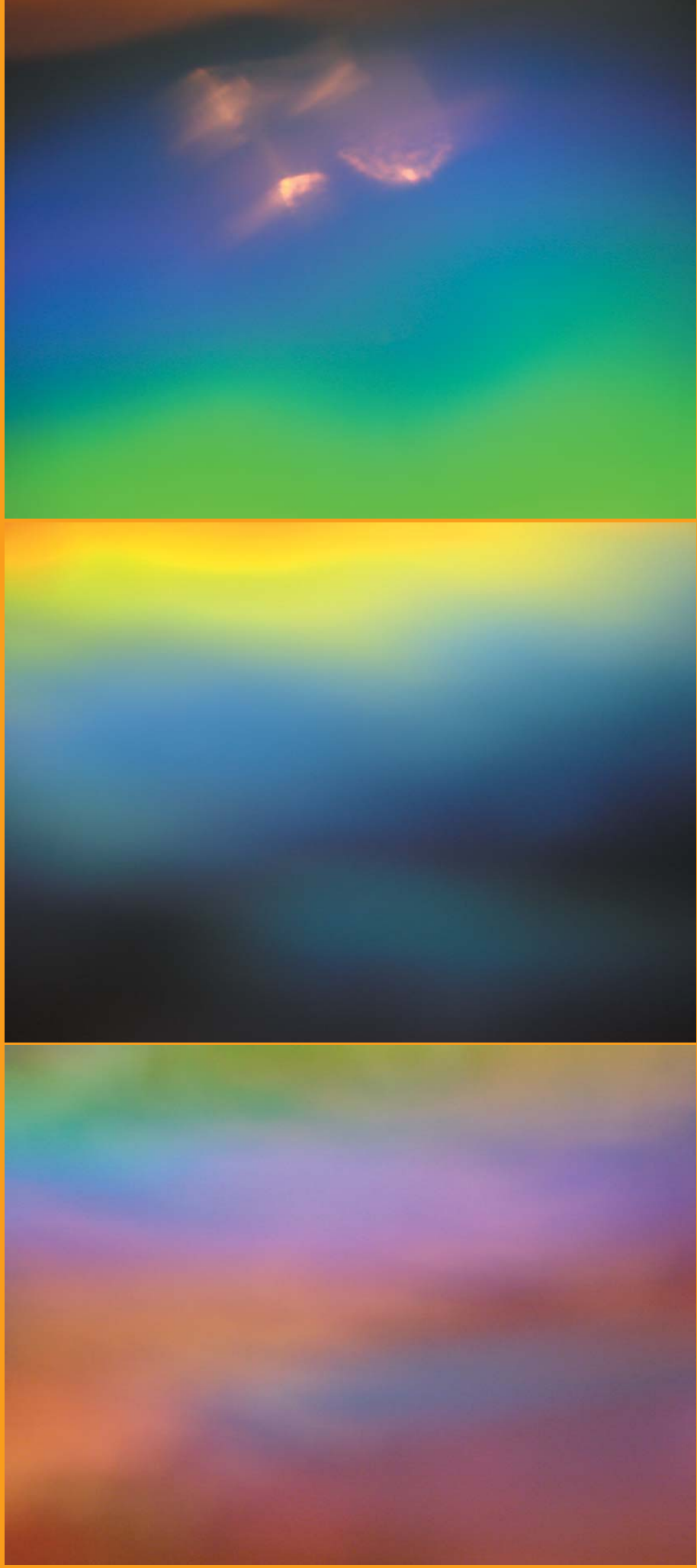
*Профессор Владимир Тыминский,
Первый Президент Международного
рыцарского союза,
Почетный главный ученый секретарь
Российской Академии естественных наук*

Цветы Софи

Облик профессора Софи Тахаловой ассоциируется в сознании с цветами. Недаром одна из книг о ней называется «Роза по имени Софи». Цветы сопутствуют ей – они в саду, который окружает ее дом Софи, во всех комнатах дома, в зале, где проводятся сеансы оздоровительной медитации. Редко здесь можно встретить гостя, который переступил бы порог дома Софи без букета в руках.

Но жизнь цветов быстротечна... И стало уже традицией: Софи фотографирует преподнесенные ей цветы, запечатлевая навсегда их мимолетную красоту (см.стр.24-25). Так появилась уже целая фотоколлекция. И теперь Софи с удовольствием перебирает прелестные фотографии, настоящие шедевры фотоискусства, и вспоминает людей, с которыми эти цветы пришли в дом.

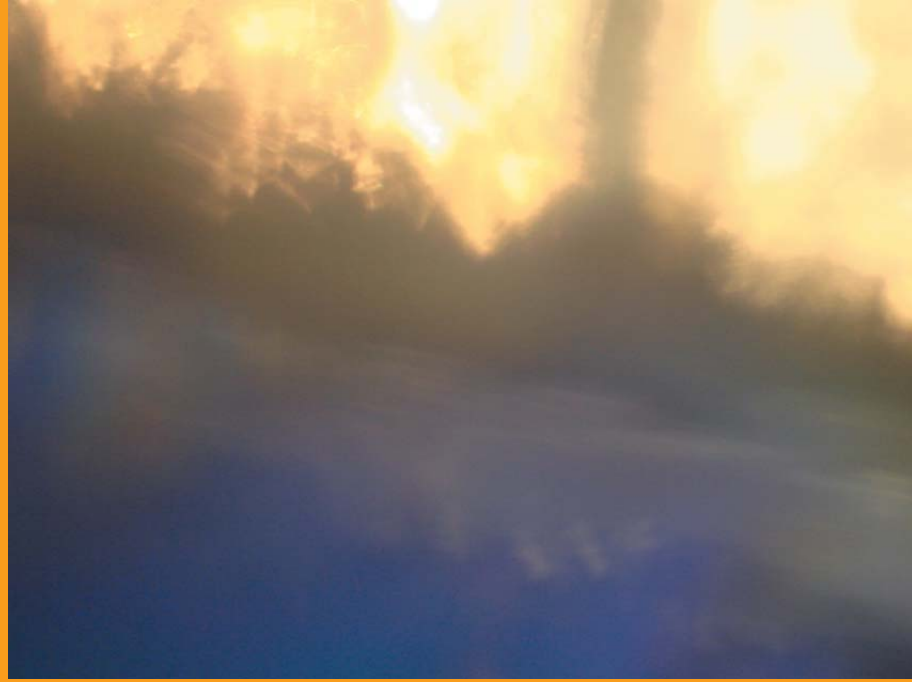
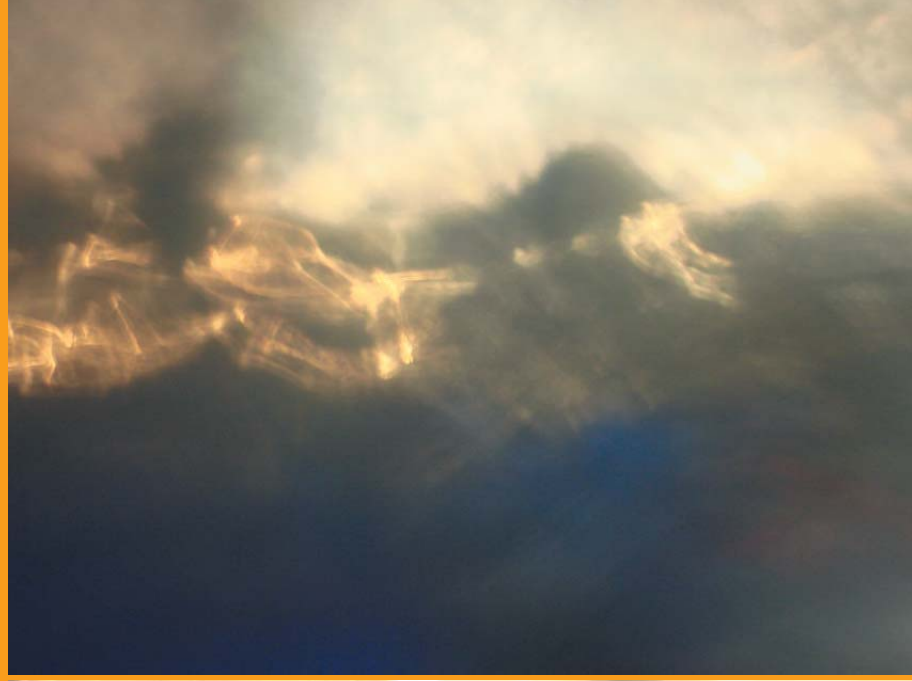

Frau Professor Sofi TACHALOVA

**F
O
T
O
K
U
N
S
F**

INSUNKOTOF

Frau Professor Sofi TACHALOVA

Fräu Professor Sofi TACHALOVA

**F
O
T
O
K
U
N
S
F**

Frau Professor Sofi TACHALOVA

**F
O
T
O
K
U
N
S
E**

Софи

ТАХАЛОВА,

академик Российской Академии естественных наук и культуры, Международной Академии наук о природе и обществе, кавалер ордена Мальтийский крест, профессор Кооперативного университета (Северная Каролина, США)

ЛЕГЕНДА О ДОЛГОЛЕТИИ И ВОЛШЕБНЫХ СИЛАХ ПРИРОДЫ

Глава из книги "Талант любви"

Около трёхсот поколений – двадцать миллиардов человек – сменилось за пятитысячную историю существования разумной жизни на земле. Среди этой огромной массы наших предшественников первым и наиболее известным долгожителем бесспорно является патриарх Мафусаил. Согласно книге Бытия, Мафусаил является одним из десяти библейских прародцев человечества, живших ещё до потопа. По всей видимости он поразил воображение современников своим долголетием, во всяком случае указанный в Библии его возраст на момент смерти представляется совершенно невероятным – 969 лет. Недаром говорят: «Стар, как Мафусаил».

Чем объяснить исключительное долголетие допотопных патриархов? Ведь судя по Священному писанию, все они доживали без малого до тысячи лет. Не скрывается ли за подобными цифрами скорее некий символический смысл, неясный нам до сих пор? А может быть, ответ на этот вопрос заключается в том, что после всемирного потопа система счисления времени коренным образом изменилась? А значит, и продолжительность жизни библейских персонажей нужно пересчитать на новый лад, и тогда она тотчас укорачивается – в лучшем случае до ста лет. В Бытии сказано, что бог Яхве самолично установил предел человеческой жизни: сто двадцать лет. Именно в этом почтенном возрасте, по-видимому, скончался пророк Моисей.

Немалое количество долгожителей находим мы в почти мифических династиях египетских и месопотамских владык. В начале III тысячелетия до нашей эры правители городов Междуречья стали величать себя царями. В надежде избежать скорого забвения они диктовали тексты, обращённые к потомкам. А вот в халдейском городе Уре в XXVI веке до Рождества

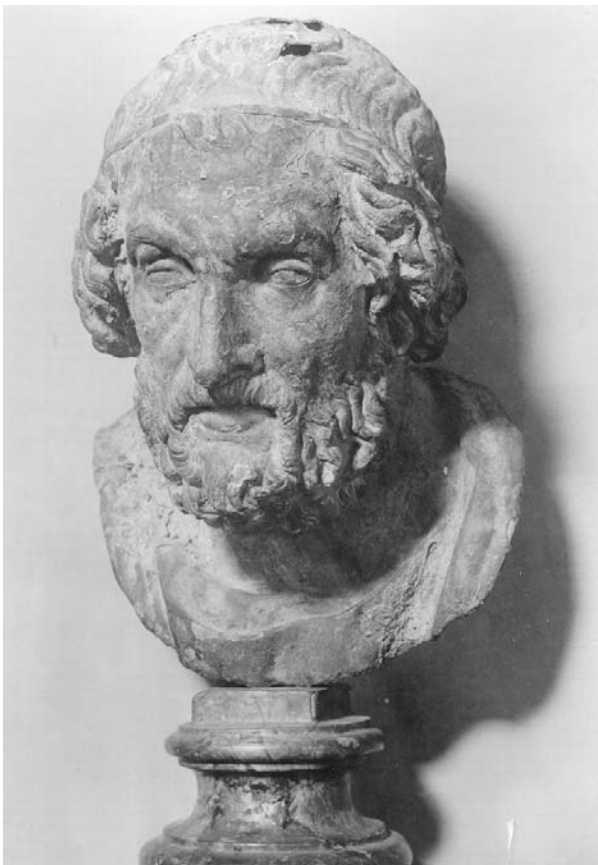
Христова, видимо, правители нашли иной способ продлевать свою верховную власть. Если верить дошедшим до нас текстам, они и их жёны преспокойно жили по несколько сотен лет. Даже с учётом того, что в ту эпоху летосчисление велось по лунному календарю, их продолжительность жизни намного превосходила среднестатистическую. Фараон Нармер, объединитель так называемых Царств Красной и Белой короны, Верхнего и Нижнего Египта, находившихся в дельте Нила (3200 год до н.э.), – его обычно уподобляют завоевателю Менесу – прожил будто бы два столетия. Однако необходимо помнить следующее: древние египтяне считали годом сезон, а стало быть, двести сезонов – это всего лишь пятьдесят лет.

Оставив в покое долгожителей, принадлежавших к христианско-иудейской цивилизации, обратимся на Восток. Древнекитайские историки среди великого множества государей, правивших страной в стародавние времена, упоминают императора Фу-си, жившего в начале III тысячелетия до нашей эры, легендарного изобретателя девяти иглок акупунктуры. Согласно традиции, он входил в число трёх Августейших (Сан-Ванов), предшественников китайских императорских династий. Прославившийся на поприще просветительства Фу-си правил своими подданными целых сто пятнадцать лет. Другой Августейший, мудрый Шэнь-нун, «божественный земледelec», считается отцом земледелия. Именно он научил китайцев возделыванию целинных земель. Знания Шэнь-нуна были, говорят предания, «обширны, как звёздное небо». Помимо всего прочего, он знал толк и в медицине, и в фармакологии, что позволило ему сохранять бодрость и оставаться на вершине власти в течение почти ста сорока лет. Третий из Августейших, по имени Хуанди,

которого считают создателем всех искусств и ремесел, правил более века, а точнее – сто десять лет.

Однако затем долгожители в Китае будто перевелись. С утверждением в стране конфуцианства императоры и сановники обрели вполне нормальную продолжительность жизни. Так, великий Юй, основатель первой китайской династии Ся (около 1700 года до н.э.), представленный в мифах в образе инженера-гидролога, чей гений помог справиться со страшными наводнениями, вовсе не принадлежит к долгожителям. Как, впрочем, и последующие китайские императоры – все они умирали в срок, предписанный простым смертным.

Теперь о мифах древних греков. Среди героев Троянской войны, описанных Гомером в «Илиаде», внимание, естественно, привлекает к себе Нестор, царь города Пилоса, расположенного в Западном Пелопоннесе. Боги наградили его необычным долголетием. Старейший из всех ахейских вождей, принимавших участие в походе на Троию, он прославился не только мудростью и красноречием, но и тем, что во время осады сумел будто бы отпраздновать свою трёхсотлетнюю годовщину. В ходе археологических раскопок Пилоса был обнаружен дворец Нестора, представляющий собой остатки крепости, возведённой ещё в бронзовом веке.

Гомер

Вот ещё несколько легенд о золотой человеческой мечте.

Среди наказаний, ниспосланных богами смертным, возжелавшим стать им равными, ни одно не было так сурово, как то, которое полагалось за посягательство на господство богов. Одной из таких посягнувших была греческая царица Ниоба. Она уязвила самолюбие богини, и её настигло жесточайшее отмщение, задевшее многих невинных. Ниоба многим могла гордиться. Высокая и красивая, вечно молодая, она была дочерью Тантала, когда-то лучшего друга Зевса. Вместе с благородным своим мужем Амфионом она основала Фивы и правила ими, и имя её повсюду воспевалось поэтами. И всё же больше всего она гордилась своими детьми – у нее было семь сыновей и семь дочерей. Однажды она объявила себя счастливейшей из матерей и тем самым обрекла на проклятие и себя, и своих детей.

Каждый год в Фивах проводился праздник в честь Лето, любовницы Зевса, матери Артемиды и Аполлона. В тот священный день гордость ударила Ниобе в голову, и она бросила дерзкий вызов: подошла к алтарю, отодвинула жрецов и обратилась к поражённой толпе. Почему, возмущалась она, поклоняются младшей богине, которую они никогда не видели? Кто она такая, девка, изгнанная из постели Зевса, с двумя жалкими детьми – плодами преступной страсти? Почему они не почитают Ниобу, порядочную замужнюю женщину и мать самых лучших детей на земле, – разве не она является ярким примером торжества материнства, плодовитости и бессмертия рода человеческого? Жители Фив, ужаснувшись словам царицы, что-то пробормотали и улизнули, чтобы завершить обряд в собственных домах в надежде задобрить Лето. Но Лето не успокоилась. Она вместе с детьми наблюдала за этой сценой и была крайне оскорблена святотатством Ниобы. Рассуждать было не о чем. По молчаливому повелению Лето её дети поднялись в облака и помчались мстить за оскорблённую мать. Они полетели в павильон за городом, где бегали и резвились ничего не подозревающие сыновья Ниобы. Прицелившись, Аполлон и Артемида натянули луки и пронзили стрелами мальчиков. Весть о бойне донеслась до дворца. Убитый горем Амфион перерезал себе горло, а Ниоба собрала дочерей и поспешила на место трагедии. Увидев жуткую картину, девочки с рыданиями упали на тела своих братьев. Убийцы атаковали ещё раз, и шесть девочек погибли, а седьмая, думая, что её пощадили, бросилась на грудь матери, но Артемида достала её и там. За всё это время Ниоба не проронила ни слова, от ужаса она окаменела. Внезапно могучий ураган подхватил камень, в который превратилась Ниоба, и понёс на вершину отдалённой

горы Сипилиус. Там, говорят поэты, она, превратившись в древнюю старуху, сидит с тех пор под дождём и ветром и рыдает о своём безумстве и потерянных детях.

Сивиллами называли жриц, получивших от Аполлона способность предсказывать события. Одна из них, а именно эрифрейская, пользовалась у бога особой благосклонностью, и он позволил ей жить столько лет, сколько песчинок она могла удержать в ладони. Однако поставил условие: ей строго-настрого запрещалось дотрагиваться до родной земли.

Сивилла покинула Эрифрею и отправилась в далёкие Кумы, греческую колонию на севере Италии. Увы, однажды утром ей вручили письмо с печатью из эрифрейской глины. Не ожидавшая подвоха, жрица прикоснулась к ней и в тот же миг умерла.

В другом варианте этой легенды говорится, что она получила от влюблённого в неё Аполлона не только дар прорицания, но и удивительное долголетие (жила 1000 лет), но забыла выпросить у бога долгую молодость и стала сморщенной старушкой.

Легенда об Орфее, в которой боги и люди столь же по-соседски, чуть ли не фамиллярно общаются друг с другом, представляет собой одно из самых ярких свидетельств попыток обрести бессмертие через любовь.

Эвридика умирает от укуса змеи. Её муж, Орфей, охваченный безмерным горем, решает, захватив с собой лиру, спуститься в царство мёртвых и упросить всемогущего владыку Аида вернуть ему горячо любимую супругу. Восхищённый игрой музыканта, тот удовлетворяет его просьбу. Однако на обратном пути счастливый Орфей нарушает запрет бога, оборачивается, чтобы взглянуть на Эвридику, и лишается её уже навсегда.

Из подобных легенд со всей очевидностью явствует, что «бессмертие» даруется людям богами с большими оговорками и лишь на время: при малейшей оплошности оно у них отбирается. Другими словами, обрести бессмертие, казалось бы, довольно легко, но пользоваться им надо с оглядкой, поскольку «счастливчик» нарушает естественный порядок вещей, создавая тем самым критическую ситуацию. Она разрешается лишь с его смертью, когда всё расставляется по своим местам. Вот почему в греческой мифологии бессмертие на поверку оказывается обманчивым. Диковинное и хрупкое, оно на короткий срок взламывает границы человеческого бытия, вселяя надежду, увы, всегда призрачную...

Остановимся здесь и задумаемся о смысле древних мифов, повествующих о бессмертии, вечной молодости и долголетьи. В любом случае дарованное богами бессмертие – не более чем договор со смертью, лукавый и краткосрочный, внезапная заминка в

последнюю минуту или каприз божества – и все договорённости героя с вершителями человеческих судеб фатальным образом нарушаются. Причем чаще всего ему приходится расставаться не только с бессмертием, но и с собственной жизнью. Другими словами, в древней греческой мифологии за стремление к бессмертию и вечной молодости человек расплачивается непомерно высокой ценой.

Может быть, нам следует усматривать в этом некую метафору тех жертв, на которые мы обрекаем себя, стремясь к долголетию. Хочешь максимально использовать заложенный в твоём теле потенциал? Плати – хотя бы отказом от вредных привычек, от неправильного питания, неверного образа жизни.

Существует также немало легенд и преданий, характерных тем, что в них вечной молодостью одаривают людей не боги, а сама природа. Достаточно, скажем, съесть какой-нибудь плод или пожевать травку, чтобы сделаться долгожителем.

Обратимся к китайской легенде, датированной II веком до нашей эры. Хотите верьте, хотите нет, но жил тогда некий мудрец по имени Линь, создавший секту «Пять мер риса», основанную на мудром учении Лао-Цзы. Снедаемый жаждой бессмертия, Линь все свои силы отдал достижению поставленной цели. В возрасте шестидесяти лет, когда перед ним уже замаячила старость, Линь проглотил изготовленную им пилюлю, где смешал пять различных ядов скорпионов и змей, добавив толчёную засушенную ящерицу. Через некоторое время к восторгу мудреца лицо его действительно помолодело. О дальнейшей судьбе Линя предание, к сожалению, умалчивает и сообщает лишь, что многие его последователи пробовали повторить опыт учителя, но, не зная точной дозировки ядов, умирали в страшных мучениях.

А в «Младшей Эдде», трактате о скандинавской мифологии, написанном, вероятно, в 1220 году, подчёркивается, что единственная обязанность богини Идунны состояла в том, чтобы стеречь «молодильные» яблоки одного из земных садов. Этот мотив, кстати, использовал Рихард Вагнер в своей тетралогии «Кольцо Нибелунгов». Как мы видим, в данном случае секрет долгой жизни заключается в волшебной силе природы.

Русские же народные сказки наполнены «живой» и «мёртвой» водой, теми же чудо-яблоками, источниками и котлами с «кипящей» водой, дарующей молодость и силу. Без всякого сомнения, природа – вот главный источник и ядов, отравляющих нашу жизнь, и противоядий, дарующих здоровье и долголетие.

Древнейшей легендой, где недвусмысленно выражается мечта о бессмертии, приобретаемом благодаря дарам природы, несомненно является аккадский

эпос о Гильгамеше. Это созданное несколько тысячелетий назад и до сих пор таящее немало удивительных тайн сказание дошло до нас на исписанных клинообразными знаками глиняных табличках. Из него мы, в частности, узнаём, что однажды ночью на руках у Гильгамеша умер его лучший друг. Потрясённый до глубины души несправедливостью жизни, могущественный правитель месопотамского города Урука (он находился на территории современного Ирака) решает бросить судьбе дерзкий вызов и победить смерть. После долгих скитаний, во время которых ему пришлось перенести немало тяжёлых испытаний, ему удалось отыскать убежище Последнего Мудреца, пережившего всемирный потоп. Тот вручил герою волшебный цветок, сок которого заключал в себе тайну бессмертия. Однако, как повествует легенда, вскоре его похитила змея, к великому огорчению Гильгамеша. Устав от тщетных попыток обрести бессмертие, тот, наконец, смиряется со скоротечностью отпущенного человеку срока.

Значит, прощайте иллюзии? Может быть. Однако, приняв к сведению пессимистический вывод создателей эпоса о бессмысленности любой борьбы с неотвратимым концом человеческого существования, отмечу всё же тот факт, что уже с незапамятных времён люди верили в целительные силы природы. Древние верили, например, что стоит лишь выпить слабый раствор сока цикуты (вех – род многолетних водных и болотных трав семейства зонтичных; в Евразии распространён вех, вызывающий отравления, часто смертельные, у человека и домашних животных), как твоя жизнь продлится на несколько лет. Секрет изготовления чудодейственной смеси ревностно хранили афинские жрицы. К ней не раз прикладывался даже древнегреческий драматург Софокл, утверждавший, что каждый глоток укрепляет его ум и тело.

Какой же напрашивается вывод из всего сказанного? В те далёкие эпохи бессмертия, как полагали, находилось на расстоянии вытянутой руки – в стеблях растений, под корой деревьев, в пыли под ногами и даже в змеином яде, но, увы, схватить эту «птицу счастья» за хвост никак не удавалось. Софокл, считавшийся долгожителем по меркам своей эпохи (V век до н.э.), вошёл в легенду ещё при жизни. А скончался он в девяностолетнем возрасте. Автор более чем сотни трагедий, из которых, к нашему огорчению, сохранилось всего лишь семь, он написал знаменитого «Эдипа-царя», когда ему исполнилось семьдесят лет, а «Электру» и того позднее, уже перешагнув за восьмой десяток, последняя трагедия «Эдип в Колоне» была создана Софоклом за год до его смерти. Сын драматурга Иофон, боясь, что наследство достанется его сводному брату Аристону,

попытался всех убедить в недееспособности отца. Вместо защитной речи Софокл прочитал суду несколько хоров из новой начатой им трагедии, чем и доказал, что ни на йоту не утратил своих блестящих способностей. Друг Перикла и Геродота, удостоенный всех мыслимых почестей (он даже заседал в совете родного города Колона), Софокл по праву считается самым знаменитым долгожителем древнегреческой истории.

Был ли у него какой-нибудь секрет сохранения здоровья? Вполне возможно, он заключался в чудодейственном напитке, который упоминается в его текстах. Но скорее всего ему помогли потрясающая работоспособность, бесконечная любовь к искусству и жажда творчества.

Мифы и легенды о долголетию, связанные с раскрытием тайн природы, сегодня, как мне кажется, вполне можно попытаться заставить служить на благо человека. В любом случае извечная мечта людей о непреходящей молодости вскоре, видимо, перестанет быть чем-то иллюзорным, станет реальностью. Надежда людей прошлых поколений на «бессмертие», на создание эликсиров долголетия зародила, судя по всему, и такую таинственную науку, как средневековая алхимия, соединившую химию, медицину и магию. После долгих лет бесконечных опытов, преодолев все препятствия, возникавшие на пути к великой цели, алхимики почувствовали, что они, как никогда, близки к победе: им осталось, как они были уверены, лишь превратить философский камень в жидкое, «питьевое золото», создав тем самым такой эликсир, который был бы способен возвращать дряхлым старикам былую молодость и утраченные жизненные силы.

На деле, однако, и современная наука не создала пока ничего похожего на эликсир долголетия. Может быть, это удастся сделать в недалёком будущем? Или придётся признать, что всё это несбыточные мечты? Скажу только, что проводимые в настоящее время исследования в области клеточного восстановления, обнаружения и выделения гормона молодости и гена долголетия дают нам полное основание ожидать, что появление подобного чудодейственного эликсира, который позволит людям жить до ста, а то и более лет, не за горами.

Однако сказанное мною совсем не означает, что надо сидеть сложа руки и дожидаться научных открытий и специальных лекарств. Всё, что дарит нам мир, в котором мы живём, надо использовать максимально разумно, взвешенно, с глубоким уважением к прошлому и настоящему знанию.

В завершение экскурсии в мир легенд, мифов и магии расскажу о нескольких старинных рецептах

омоложения организма. Как ни удивительно, но очень многие из используемых в наши дни косметических и диетологических методик и препаратов уходят своими корнями в обрядовую и магическую практику наших предков, происхождение которой не поддаётся точному определению.

Прекрасная Геба, дочь Зевса и Геры, считалась символом юности. Именно она снабжала олимпийских богов амброзией, продуктом, дарующим бессмертие и вечную молодость. Древние греки полагали, что амброзия изготавливалась из мёда, являющегося, в свою очередь, результатом переработки цветочного сока. Благодаря наличию в организме пчелы особой пищеварительной секреции нектар превращается в богатейшую смесь сахаров и минеральных солей, в состав которой входят едва ли не все питательные вещества, необходимые для нормальной жизнедеятельности.

Ещё больше разговоров велось на протяжении многих веков по поводу маточного молока – студенистого вещества белого цвета, представляющего собой вырабатываемый железами рабочих пчёл, «кормилиц», секрет, предназначенный для питания матки роя, «королевы». Исключительно питательное маточное молоко вдобавок богато гормонами, олигоэлементами и витаминами. Немудрено, что многие и сейчас охотно используют его в борьбе со старением.

Первые трактаты о растениях появились в Китае во времена правления уже знакомого нам Августейшего Шэнь-нуна, создателя земледелия. Его чиновники, проделав огромное количество опытов, составили не одну тысячу целебных препаратов из растений. В Китае Шэнь-нун также почитается «царём лекарств». Особое внимание древних фармакологов привлёк к себе женьшень, произрастающий в Маньчжурии и Корее. Вещество, извлечённое из его корня посредством действия спирта, обладает тонизирующим и в определённой степени сексуально возбуждающим свойствами. Как нетрудно догадаться, женьшень сделался фирменным молодильным средством императорской аптеки, а его выращивание было поставлено под строгий контроль и учёт.

Даже в наше время практически невозможно отыскать в продаже свежие, не высушенные корни женьшеня. Активные вещества растения – это витамины В1 и В2, а также основные олигоэлементы, среди которых мы особо выделяем селен. Селен действительно играет важнейшую роль в замедлении процессов старения.

Древние цивилизации Средиземноморья первыми применили на практике знаменитую формулу: «В здоровом теле здоровый дух». Так, египтяне не только искусно бальзамировали тела мёртвых, но и

заботились о здоровье живых. Кстати, первое мыло из сапонинсодержащей глины было египетским. Соблюдали правила гигиены, мылись в благоухающих жасмином и розой ваннах, а затем делали массаж. Расслаблению мышц способствовали и ароматические средства, пахнущие кедром и цветами... Такими лишь некоторые секреты красоты Клеопатры.

Великий греческий врач Гален не устал отмечать благотворное воздействие на здоровье человека бань, массажных процедур и гимнастических упражнений. Позднее римляне ввели разработанную ими оздоровительную систему в свой повседневный обиход.

Жившие в ту же эпоху на противоположном конце Евразийского материка китайцы нашли свою собственную формулу, лёгшую в основу их правил гигиены и здоровья. «Жизнь надо поддерживать», – говорили они, подразумевая под этим массаж, особую китайскую гимнастику и дыхательные упражнения. Все китайские упражнения строго систематизированы и обозначены символическими названиями. В начале сеанса массажа растираются ступни ног, а в конце – лицо. Весьма ценятся оздоровительные прогулки, и особенно после еды.

Но прежде всего надейтесь на свою волю к жизни, которая должна обязательно включать и разумные самоограничения, и строгие правила поведения, направленные на сохранение здоровья, и умение приспособливаться к изменившимся условиям жизни и обстоятельствам. И в своей работе над собой всегда помните слова Гиппократов:

«Если ты не готов изменить свою жизнь, тебе невозможно помочь».

Праздник весны

Приглашаются все члены Общества

“Lebensfreude”

Stalbergweg 285

NL 5913 BP Venlo

Tel.: 0031 77 320 07 05

Жозеф
ТРОСТАНОВСКИЙ,
доктор философии
Дюссельдорф

Гуманитарное познание: ДУХОВНОСТЬ, ДУХ, ДУША

Продолжение. Начало в NN 5, 7-9.

*Всё возможно – и удаётся всё, но главное –
сеять души в людях.*

Андрей Платонов

*Владея столь блистательным сосудом,
каким является голова, человек обязан
ослабить давление внешней среды на
чувствительное вместилище различных
переживаний. А вместилище – это душа.*

Нельзя терзать её по всякому поводу.

*Надо понять, наконец, что душевная
невидимая рана может оказаться во
много крат опаснее телесной. Животворная
сила – в самом человеке, обладающем
ясным разумом.*

Сократ

*Умейте узнавать углы событий
в мгновенной пене слов.*

Велимир Хлебников

Интересные рассуждения о соотношении науки и религии читаем у З.Фрейда. «Недопустимо говорить, что наука является одной областью деятельности человеческого духа, а религия и философия – другими, по крайней мере равноценными ей областями и что наука не может ничего сказать в этих двух областях от себя; они все имеют равные притязания на истину, и каждый человек свободен выбрать, откуда ему черпать свои убеждения и во что ему верить. Такое воззрение считается особенно благородным, терпимым, высокообъемлющим и свободным от мелочных предрассудков».

Зигмунд Фрейд считал, что из трёх сил, которые могут поспорить с наукой, только религия является серьёзным врагом. Искусство почти всегда безобидно и благотворно, оно и не хочет быть ничем иным, кроме иллюзии. Если не считать тех немногих лиц, которые, как говорится, одержимы искусством, оно не решается ни на какие вторжения в область реального.

Философия не противоположна науке, она сама во многом аналогична науке, работает частично при помощи тех же методов, но отдаляется от нее, при-

держиваясь иллюзии, что она может дать безупречную и связную картину мира, которая, однако, распадается с каждым новым успехом знания. Но философия не имеет никакого непосредственного влияния на большие массы людей, она интересуется лишь самую небольшую часть самого узкого верхнего слоя интеллектуалов, оставаясь для всех прочих малодоступной. Напротив, религия является невероятной силой, которая владеет самыми сильными эмоциями человека. Как известно, когда-то она охватывала всё духовное в человеческой жизни, она занимала место науки, когда наука едва зарождалась и создала мировоззрение, отличавшееся беспримерной последовательностью и законченностью, которые ещё сегодня, хотя и пошатнувшиеся, продолжают существовать и занимать умы, сердца и души миллионов людей на земле.

Отдавая должное грандиозности религии, нужно помнить, что она стремится дать людям в своем мировоззрении. Она даёт им объяснение происхождения и развития мира, она обеспечивает им желаемую защиту и – в конце концов – ожидаемое счастье среди всех превратностей земной жизни, она направляет их убеждения и действия предписаниями, которые представляет всем своим авторитетом. Таким образом, по Фрейду, она выполняет три функции:

1. Во-первых, она удовлетворяет человеческую любознательность, делает то же самое, что пытается делать наука своими средствами, и соперничает здесь с ней.

2. Второй своей функцией она, пожалуй, обязана большей частью своего влияния. Она умягчает страх людей перед опасностями и превратностями жизни, перед смертью, вселяет уверенность в добром исходе, утешает их в несчастье. И тут наука не может с ней соперничать. Правда, наука учит, как можно избежать определённых опасностей, успешно побороть некоторые страдания; было бы несправедливо оспаривать, что она сильная помощница людям, но во многих случаях она вынуждена предоставлять человеку его страданиям и может посоветовать ему лишь покорность.

3. В своей третьей функции, давая предписания, провозглашая запреты и ограничения, она в наибольшей степени отделяется от науки, поскольку наука довольствуется исследованиями и констатациями. Правда, из ее приложений выводятся правила и советы для поведения в жизни. Иногда они те же, что предлагает и религия, но только с другими обоснованиями.

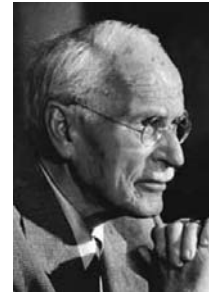
Коммунистическая доктрина сродни любой из основных мировых религий. Ближе всего она к христианской. Вспомним «Десять заповедей» и «Моральный кодекс строителя коммунизма». С точки зрения психологической, морально-этической и нравственной, найдём много общего.

Религиоведческое наследие Зигмунда Фрейда невелико по объёму. Если не брать во внимание отдельные, разрозненные, не связанные между собой логически, высказывания, в большом количестве разбросанные на страницах его сочинений, оно состоит всего из четырёх работ: «Навязчивые действия и религиозные обряды» (1907), «Тотем и табу» (1913), «Будущность одной иллюзии» (1927), «Моисей и единобожие» (1939). Однако этот скромный вклад Зигмунда Фрейда в изучение религии не остался незамеченным. В короткий срок вокруг него и его работ выросли горы критической литературы: «Бог и Фрейд», «Фрейд и атеизм», «Христианство и Фрейд», «Фрейд и иудейская мистическая традиция», «Фрейд и Христос». Пафос этих публикаций сводился к решению вопроса: к какому лагерю – атеистов или верующих – следует относить Фрейда.

Учение Зигмунда Фрейда занимает особое место в истории общественной мысли XX века. Его влиянием охвачены все сферы жизни европейского и

Зигмунд ФРЕЙД

Карл ЮНГ

Эрих ФРОММ

американского общества: философия, психология, социология, мораль, искусство и религия. Идеи Зигмунда Фрейда и его последователей, и прежде всего Карла Юнга и Эриха Фромма, проникли в научное религиоведение.

Изучение религиоведческой концепции Фрейда, наиболее полно воплотившей принципы психоаналитического подхода к явлениям общественной жизни, представляет необходимое условие объективной и всесторонней оценки фрейдизма, как одного из наиболее влиятельных течений современности. Взгляды Зигмунда Фрейда на религию составляют яркую страницу в истории современного свободомыслия. Проблемы религии занимают определенное место в социальной философии психоанализа. Фрейд проявлял к ним внимание не только в специальных работах, но и в своих исследованиях общепсихологического и социально-философского характера.

Идеи европейского рационализма и свободомыслия оказали свое влияние на Фрейда. Он свято верил в могущество человеческого разума и конечную победу научного мировоззрения.

Философские эпиграммы

*Философские эпиграммы –
собирательные афористические
высказывания на «вечные темы».*

В.Новиков.

Антология сатиры и юмора XX века

В обычном политическом пейзаже
Рисуют пики жизненных вершин
Реальностью сравнимых с вернисажем
Ещё не нарисованных картин.

Нам деньги с дождичком не падают.
Без денег – в бедности корпим.
И если деньги нас не радуют –
Они принадлежат другим.

Искусство моды не напрасно
Нас украшает, но вполне
Любой пиджак сидит прекрасно,
Когда в кармане портмоне.

Здоровье ради денег тратим,
Познав богатства суть,
Потом врачам мы щедро платим,
Чтобы его вернуть.

Друзей по духу отыскать не смог,
С проблемой бедности был дружен,
Но деньги взял однажды в долг
И стал кому-то очень нужен.

Игорь Погребижский

Евгения ЩЕРБАКОВА
Бремен

КНИГИ, КОТОРЫХ, НАКОНЕЦ, ДОЖДАЛИСЬ, КНИГИ, КОТОРЫЕ ДАРЯТ НАДЕЖДУ

В доме всемирно известной целительницы Софи Тахаловой всегда многолюдно. Два раза в день, без выходных и практически без отпуска, принимает Софи всех, кому требуется её помощь. Каждый сеанс биоэнергетического воздействия длится около часа; до и после сеанса Софи беседует с каждым из гостей – так в этом доме называют людей, пришедших за облегчением, советом и поддержкой.

Но мало кто из гостей Софи знает о том, какая напряжённая работа проводится в этом доме помимо сеансов.

Сотни писем требуют обработки и ответа; анкеты, аудиозаписи расшифровываются, систематизируются и становятся основой для серьёзного анализа и осмысления связи духовного и телесного начал человека.

Каков механизм «запуска» скрытых резервов организма, позволяющих преодолеть болезнь, которую классическая медицина признала неизлечимой? Случайно ли перед сеансами биоэнергетического воздей-

ствия Софи читает и обсуждает со своими гостями отрывки из Библии, простым и понятным языком говорит о проблемах, обычно являющихся прерогативой философских и религиозных диспутов?

Софи не только помогла и помогает сотням людей, приезжающих к ней в Венло. Она постоянно работает над тем, чтобы её многолетний опыт стал достоянием многих; результатом этой гигантской работы стали книги Софи.

Сегодня издательство «Lebensfreude e.V.» выпустило десять книг профессора Софи Тахаловой.

Те, кто знаком с Софи лично, сразу узнают в ее книгах то, что отличает в общении эту очаровательную женщину с внимательным, необыкновенно лучистым взглядом. Её книги разговаривают с читателем, ненавязчиво и деликатно обращают собеседника к собственной душе, учат искать в себе самом силу и мудрость. В её книгах речь идёт о тех главных вопросах бытия, которые забываются в повседневной суете,

но которые возникают неизбежно перед каждым человеком, когда речь идет о жизни и смерти.

У стенда Софи всё время толпится народ – интересуются книгами, представленными ею на ярмарке. Но мне всё же удастся задать вопрос, на который я сама не могу найти ответа:

– Софи, при вашей занятости, когда вы успеваете еще писать книги?

– Эти книги, – отвечает целительница, – пишутся как бы не только мною, но совместно с людьми, которые приходят ко мне за помощью и советом. Мы вместе ищем причины внутреннего психологического конфликта и душевного дискомфорта, которые ведут к заболеваниям. И этот совместный поиск решения проблемы открывает людям, обращающимся ко мне, причины их недугов, подсказывает пути устранения возникшего дискомфорта в широком смысле этого слова, а меня обогащает опытом, которым я стараюсь поделиться с другими. Мне лестно, что очень часто эти люди поддерживают со мной контакт на протяжении многих лет, они учатся анализировать своё состояние, замечают положительные сдвиги, развивают позитивные тенденции в борьбе со своими болезнями и, главное, обретают уверенность в возможность их преодоления. В конце концов мы часто уходим от схемы «целитель–больной» и превращаемся в добрых друзей.

– Что бы вы пожелали читателям нашего журнала?

– Прежде всего здоровья, хорошего настроения, положительных эмоций и творческого подхода к жизни, то есть активной жизненной позиции, что очень важно в борьбе с любыми недугами и преодолением страха, который сопутствует нам и лишает воли к жизни.

В сложные периоды человеческой жизни книги Софи, как и она сама, дарят людям утешение и надежду.

Наверное, не случайно её книги так часто находят своих читателей. Люди передают их из рук в руки, и я не раз слышала рассказы о том, как книга Софи удивительным образом повлияла на судьбы разных людей.

Летом 2007 года на выставке, проводимой Торговой палатой Гамбурга, книги Софи вызвали необыкновенный интерес посетителей. Сотрудники Софи едва успевали отвечать на вопросы о представленных на выставке изданиях профессора Тахаловой. Её стенд был, пожалуй, одним из самых многолюдных.

Удивительно, что при этом её книги посвящены самым разным темам – вплоть до сборника кулинарных рецептов. Кстати, знаете, что является главным секретом собственноручно приготовляемых Софи блюд, которыми она угощает своих гостей?

Она готовит их с любовью.

Рецепты из книги Проф. Софи ТАХАЛОВОЙ “Королевский стол” вы найдёте на страницах нашего журнала, а приобрести книгу вы можете по адресу:

Frau Professor Sofi TACHALOVA

Stalbergweg 285
NL 5913 BP Venlo

Tel.: 0031 77 320 07 05
Fax: 0031 77 352 17 87

На фото сверху:
стенд Софи ТАХАЛОВОЙ

ГРУЗИНСКАЯ КУХНЯ

Грузинская кухня любима многими и отличается своеобразием и использованием некоторых основных продуктов (хлебных, мясных) и в характере ароматически-вкусовой гаммы. Соусы являются особо замечательным элементом национальной грузинской кухни так же, как и использование грузинами пряностей и приправ.

Харчо по-грузински

Грудинку, предварительно удалив кость, нарезают вместе с хрящами кусочками массой 25-30 граммов (из расчета 3-4 кусочка на порцию), заливают холодной водой и варят до полуготовности, периодически снимая пену. Мелко нарубленный репчатый лук пассируют вместе с томатным пюре, добавляя жир, снятый с бульона. Затем в бульон кладут предварительно замоченный рис, пассированные лук, томатное пюре и доводят до готовности. После этого суп заправляют соком ткемали, рубленой зеленью кинзы, толченым чесноком, сушеной зеленью (хмели-сунели), перцем, лавровым листом, солью и кипятят ещё 3-5 минут. Подают в глубоких тарелках или суповых мисках. Консистенция харчо должна быть более густой, чем обыкновенного рисового супа.

Шашлык по-карски

Баранина – 240 граммов, лук репчатый (для маринада) – 10 граммов, помидор – 1 штука, баранья почка – 1 штука, сливочное масло – 5 граммов, зеленый лук (для гарнира) – 30 граммов, лимон – 2 штуки, соус ткемали – 30 граммов.

Мякоть баранины нарезать поперек волокон на куски по одному на порцию, посолить и замариновать с луком и специями, для чего лук мелко нарезать, смочить лимонным соком, поперчить и уложить в эмалированную посуду на 4-6 часов.

Перед жаркой кусок мяса надеть на шампур

вместе с защищенной от пленки бараньей почкой с одного конца и некрупным помидором с другого. Мясо смазать сливочным маслом и жарить на решетке над углями или на шампуре. При подаче на стол жареный шашлык, почки и помидор снять с шампура и выложить на блюдо. Блюдо украсить зеленью и подавать с соусом ткемали.

Соус ткемали

Перебранные и промытые плоды ткемали кладут в кастрюлю, заливают водой так, чтобы она только покрывала их и варят. Когда ткемали хорошо разварятся, откидывают на дуршлаг, затем протирают через сито и разбавляют отваром, добавляют толченую зелень кинзы, стручковый перец, соль, чеснок, укроп, тщательно перемешивают, кипятят и охлаждают. Готовый соус должен иметь консистенцию сметаны.

Лобио с зеленью

Фасоль – 500 граммов, лук репчатый – 2 луковицы, зелень кинзы – 4 веточки, чеснок – 2 дольки, петрушка – 3 веточки, чабер и мята – по 3 веточки, соль и стручковый перец – по вкусу.

Перебранную, промытую фасоль всыпать в кастрюлю, залить водой и поставить на огонь. Во время варки по мере выкипания воды можно добавлять кипяток. В фасоль положить толченый чеснок и нашинкованный репчатый лук. После того, как фасоль разварится, размять ее ложкой, добавить соль, стручковый перец, мелко нарезанную зелень петрушки, кинзы, чабера и мяты и, дав ещё покипеть 1-2 минуты, снять с огня.

По желанию, во время варки можно добавить 2-3 столовые ложки толченых грецких орехов и, по вкусу, - кислый лаваш, ткемали или винный уксус. Готовое блюдо по густоте должно иметь вид жидкой каши.

Продолжение. Начало на стр. 17-18

И неудивительно: известно, что лицо царя художником было написано с Григория Мясоедова – отца Иван Мясоедова.

Иван Мясоедов был не только талантливым художником, но и прекрасным, профессиональным гравёром. Ведь обучался он не только в батальной мастерской Франца Рубо, но и занимался гравюрой под руководством Василия Матэ. Гравёрский талант его и погубил. Именно гравёр Иван Мясоедов в Германии попался как фальшивомонетчик. Он рисовал и печатал английские фунты. Дважды в Германии был судим и выслен из страны. Вот и решил скрыться в «укромном» Лихтенштейне, куда приехал с поддельным чешским паспортом на имя Евгения Зотова. Он воспользовался фамилией своего крёстного отца. Паспорт он «выдал» себе сам.

Живя в Вадуце, «профессор Евгений Зотов» много работал. Его работы, которые еле-еле в военное и первое послевоенное время продавались за тридцать-пятьдесят долларов, сегодня стоят тысячи долларов. В Вадуце он выполнил портрет князя Франца-Йозефа II, написал много пейзажей и натюрмортов. По его гравюрам (матрицам, изготовленным им на металле) было выпущено тринадцать марочных миниатюр в нескольких марочных сериях («Одиннадцать общин Княжества Лихтенштейн» и др.). Мясоедов оформлял частные особняки и общественные здания. В конце жизни он создал цикл работ, аллегорически отражающих «исторические кошмары» – ужасы, которые приносят революции и войны.

– У вас имеются его работы? – спрашиваю я далее барона.

– Он выполнил прекрасный портрет моей первой жены, который находится у неё. Она живёт в Княжестве Монако. В качестве подарка на свадьбу я ему заказал портреты князя Игоря Трубецкого и его невесты Барбары Хаттон.

В Вадуце Мясоедов не забыл своего старого увлечения. И опять попался. Теперь уже на «портретах» доллара. Только у американцев все купюры одинакового размера. Что один доллар, что сто.

Технология возвеличения однодолларовой купюры в сто раз у Мясоедова была проста. Он химическим путём смывал рисунок на однодолларовой купюре и на подлинной валютной бумаге печатал мастерски выполненный стодолларовый рисунок. Так что ему вновь пришлось сесть в тюрьму.

После двухгодичной отсидки Мясоедова лишили лихтенштейнского гражданства. Ко всему чехи обнаружили, что паспорт на имя Евгения Зотова фальшивый. Это было в 1953 году. Мясоедов с семьёй переезжает в Аргентину. Он умер в Буэнос-Айресе. Ему было семьдесят три года.

После смерти художника его жена вернулась в Вадуц и привезла все его произведения в Лихтенштейн. Мальвина Верничи пережила своего мужа почти на двадцать лет. Она умерла в 1972 году, похоронена в Вадуце.

– Каким же художником является Мясоедов-Зотов – русским, украинским или лихтенштейнским?

– И тем, и другим, и третьим. Он родился в родовой усадьбе Павлётки (под Полтавой) в 1889 году. Лихтенштейн стал его второй родиной. В Лихтенштейне его творчество получило государственное признание, и тут его считают национальным художником. В Лихтенштейне находится несколько тысяч его произведений, а в России – единицы. Когда в Лихтенштейне отмечалось столетие со дня рождения Мясоедова-Зотова, было собрано более миллиона франков частных пожертвований. За эти средства были выкуплены у наследников работы художника, и в Вадуце был основан частный «Фонд Мясоедова-Зотова». Фонд построил хорошо технически оснащённую картинную галерею, ныне в её фонде более трёх тысяч работ художника. Я передал туда свой архив негативов и фотографий Ивана Мясоедова. Сегодня коллекция Фонда оценивается более чем в шестьдесят миллионов долларов.

Мне кажется, что сегодня в России и Украине не уделяется внимание творчеству Ивана Мясоедова. Думается, что давно должны были остаться в прошлом и анархические убеждения художника, и то, что он во время гражданской войны был уполномоченным

И. МЯСОЕДОВ Венецианские купцы-разбойники (ок. 1909 г.)

Замок Вадуц (Лихтенштейн)

культурно-исторической комиссии в армии генерала Деникина, написал портрет Муссолини. Не сомневаюсь: Украина и Россия должны гордиться своим талантливым живописцем и графиком. Так, как это сегодня делает Лихтенштейн.

Я считаю, что лихтенштейнцы сделали своё дело по популяризации творчества Ивана Мясоедова. Было организовано проведение в Москве в Государственной Третьяковской галерее большой ретроспективной выставки «Иван Мясоедов – Евгений Зотов. Путь исканий». Лихтенштейнская сторона полностью взяла на себя спонсирование мероприятия.

Интересно, что жизнь потомков Ивана Мясоедова тоже связана с искусством. Его дочь Изабелла Верничи жила в Мюнхене, была известной танцовщицей, хореографом, балетмейстером.

Я «привёз» в Москву её детей, внуков художника,

Мишеля Модлера, он живёт в Нюрнберге, работает дизайнером в Siemens, и Наниту Модлер, она искусствовед парижского Центра им. Жоржа Помпиду.

Я забыл вам рассказать, что обладателем большого частного собрания произведений художника является живущий в Вадуце Адольф Гооп. Он в качестве адвоката защищал Мясоедова на судебном процессе. В коллекции Гоопа более двухсот мясоедовских произведений. Рассказы художника о России и Украине, посещения Москвы, Петербурга, Полтавы – всё это приобщило Адольфа Гоопа к русской истории и культуре. Гооп содействовал установке на доме в Павлёнках (под Полтавой), где родился художник, мемориальной мраморной доски с барельефом Ивана Мясоедова. В Фонде Мясоедова–Зотова находится ностальгическая картина Мясоедова «Прощание с Павлёнками».

– Сегодня коллекция Адольфа Гоопа содержит пасхальные яйца дореволюционной России и Украины, имеющие большую историческую ценность. Я передал в коллекцию Гоопа старинное пасхальное фарфоровое яйцо. Я считаю, что коллекция Гоопа – самая крупная и самая ценная среди подобных коллекций за рубежом.

– Эдуард Александрович, мне трудно было предположить, что в Лихтенштейне придётся узнать столько русского. И прекрасного, и печального. По концентрации русскости пятитысячному Вадуцу, наверное, нет равного в мире: ваше собрание дореволюционных произведений русского искусства, художественная деятельность Ивана Мясоедова–Евгения Зотова и музейное собрание его произведений, коллекция Адольфа Гоопа.

Эти места связаны с Альпийским походом Суворова. Сотни могил русских солдат-суворовцев и могил «оступившихся» русских в период Второй мировой войны хранит земля Лихтенштейна.

Воистину о Лихтенштейне можно сказать: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!».

Помощь в макетировании, редактировании и издании брошюр, книг и другой печатной продукции. Защита от вирусов и восстановление данных, подключение периферийного оборудования, интернета и сетей, замена компонентов, обучение и поддержка пользователей компьютеров, а также многое другое...

Тел. 0211 / 35-22-40 или 02131 / 742-05-88

**Виктор
РАВКИН**

родился в Москве. Окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофото-съемки и картографии. Занимался преподавательской и научной работой в инженерно-строительном институте.

Опубликовал несколько историко-краеведческих очерков в журналах „Partner-West“, „Консультант“, в местной газете „Вариант“.

Живёт в Германии, в г. Саарбрюкене с 1998 года.

Цыбнитесь!

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ МАРШРУТ ОТ ЗАВТРАКА ДО УЖИНА

Много есть вредно, а мало – скучно

Продолжение путешествия. Начало в номере 9.

Теперь от «красненьких» плавно перейдём к «синеньким». Как вы уже догадались, речь теперь пойдёт о баклажанах. Только в одной книжке «Советы моей свекрови» насчитывается свыше пятидесяти блюд из этого овоща. Разве что из картофеля больше. Слово «синенькие» до сих пор используется в русской и украинской разговорной речи. А среди русскоязычных на Кавказе баклажан – это демьянка. Это слово зафиксировано в словаре Даля и названо по имени святого Демьяна. Демьянка созревает в день его памяти – 18 августа.

Слово «баклажан» заимствовано из тюркского и появилось в Европе в XVIII веке. В немецком языке баклажан раньше называли Eierpflanze, то есть «яичное растение» – по сходству формы плода. А нынешнее труднозапоминаемое название Aubergine заимствовано из французского. На русском языке был ряд вариантов произношения этого слова: бадаржан, батлажан, подлажан, бадрижан. Очевидно, такая разногласица и привела к появлению нового слова «демьянка».

О первых блюдах особо нечего сказать. «Бульон», к примеру, – французское слово. Буквально, «вода, прокипячённая с мясом». Слово «борщ» проникло в русский язык из украинского, это суп из свёклы и капусты. Ну а «щи, рассольник, окрошка» – исконно русского происхождения.

На «второе» хотелось бы чего-нибудь мясного. Выбор здесь достаточно велик. Лангет – язычок из мяса, слово восходит к латинскому lingua – язык. Сосиска – в русском языке из латинского. Эскалоп – ломоть нежирной свинины. Антрекот – межрёберная часть говядины (entre – между, cote – ребро). Рагу –

кушанье из нарезанных кусочков мяса. Филе – уменьшенное от fil (нить, тесьма), во Франции кусок филе вручался покупателю перевязанным ниткой. Рулет – колёсико, ролик, ломтик, напоминающий колёсико, из рубленого мяса в форме скатанного валика с начинкой. Бефстроганов – говядина плюс строганов – кушанье из мелких кусочков нарезанного мяса, тушённого в сметанном соусе. А «колбаса» на иврите – это изделие из мяса.

Есть названия мясных блюд и английского происхождения: бифштекс – жареный кусок говядины (steak – кусок), ростбиф – жареное мясо. А вот гуляш – слово венгерского происхождения – мясо, тушённое с пряностями. Пельмени же – из угро-финского (пель – ухо, нянь – хлеб, ушко из муки). За пределами нашего повествования остались шницель, зразы, кнели, тефтели, котлеты, битки, фрикадели, чебуреки, манты, чахохбили и т.д. и т.п. Читатель легко продолжит список мясных блюд и, может быть, задумается о происхождении их названий.

Часов в пять можно и пообедать. Полдник – это что-то из нашего детсадовского, пионерлагерного, дачного, санаторного советского прошлого. К чаю почти всегда предлагалась выпечка.

Ну вот, например, калач. Это слово произошло от общеславянского «коло» – круг, колесо, кольцо. Обсыпанный мукой калач был излюбленным лакомством москвичей на протяжении более ста лет. Увы, исчез вместе с советской жизнью. Пампушка – также почти забытое слово. Происшло от немецкого Pfannkuchen, затем трансформировалось в польскую, а позже украинскую пампуху. Пирог – от слова «пир». А вот пирожное «безе» от французского «buisser» – поцелуй и названо так по своей лёгкости. «Вафли» произошли от немецкого Waffel, производного от Wabe – пчелиные соты.

Ужина не ждите, отдадим врагу. Это китайская поговорка. Будем только пить. В IX – XIV веках на Руси различали в зависимости от исходного материала и технологии изготовления три типа напитков. Их отличало одно общее свойство: славяне не готовили и не употребляли крепких напитков. Это относилось также к германцам и балтам. Прежде всего в традиции было виноградное красное вино – ритуальный напиток, распространившийся с принятием христианства. Вслед за греками русские пили его только пополам с водой. Номенклатуры никакой не было: вино оно и есть вино. После того как наладилась торговля с Западом, появились французские, итальянские, мозельские вина.

Напитки второго типа получали в результате естественного сбраживания мёда. Питный мёд – это хмельной напиток, приготовляемый из смеси мёда диких пчёл и ягодных соков и подвергаемый выдержке 10–35 лет. Сортов мёда было великое множество.

К третьему типу напитков относили квас и пиво. Первоначально пиво готовили один раз, к Новому году. А год раньше начинался, по римскому календарю, 1 марта. Начинали его готовить ещё в октябре.

А самое лучшее и густое пиво называли мартовским. В 50-х годах среди немногих сортов пива советского производства было и мартовское. Насколько оно было хорошо, мне судить трудно ввиду тогдашнего малолетства.

В XV веке долго экспериментировали, в итоге открыли винокурение. Изобрели ржаное вино и водку. Ароматные водки настаивались на естественном сырье и служили зачастую лекарством. Но затем стали пить их как хмельной напиток. С годами росла крепость вина, появилось горячее вино, обладающее способностью гореть. Для усиления крепости напиток нагревался и перегонялся дважды или трижды. С середины XVII века водка становится русским национальным напитком. Официальное признание термина «водка» состоялось 8 июня 1751 года с изданием Указа Елизаветы Петровны под названием «Кому дозволено иметь кубы для двоения водок».

С годами норма потребления снижалась, а крепость напитка росла. Для древних русичей и четырнадцать градусов было крепко, а для русского барина и «Ерофеич» в семьдесят градусов сладок. В конце XIX века ввели по результатам исследований Менделеева сорокаградусный стандарт, а в 1894 году была запатентована «Московская особая». А современная поллитровка появилась в конце 20-х годов.

В середине XIX века появился так называемый «закусочный стол», который вошёл в европейскую моду. Он представлял три вида закуски:

- 1) мясную (свиное солёное сало, ветчина, студень, язык, телятина), к этому набору обязательны были горчица и хрен;
- 2) рыбную (сельдь с подсолнечным маслом и луком, икра чёрная, икра красная, балык осетровый);
- 3) овощную (огурцы солёные, капуста квашеная и провансаль).

А теперь очень интересная информация про «селёдку малую». В 1717 году сподвижник Петра I Брюс выпустил собственный перевод книги «Искусство нидерландского языка», то есть русско-голландский словарь. Там имелось всем знакомое слово «sprot», в переводе «селёдка малая». Какие же бывают «селёдки малые»?

Салака – подвид балтийской сельди. В финском языке silakie – маленькая селёdochка. Русский язык отобрал форму «салака». Известно, что для малолеток иногда применяется жаргонное прозвище «салага», не просто мелюзга, а особая категория подростков. Килька – мелкая рыбка, разделяющаяся в свою очередь на тюлька и шпрот. Заимствованное из финского языка слово «килька» вошло в русский и ряд других языков. Но чаще килька в Западной Европе называется шпротом.

Ревельской называлась килька, которая вылавливалась у берегов Эстонии. Ставшая таллиннской она пользовалась большой популярностью в СССР. Она шла под любой крепкий напиток, несколько секунд было достаточно, чтобы освободить рыбку от хвоста и хребтика. Когда же поставки из Таллинна сократились, на рынке вместо этого деликатеса появилась каспийская, уступающая северному родственнику по всем показателям. Слова на коробочке характерной формы и цвета «Шпроты в масле» вызывают до сих пор ностальгические чувства. Неизменный спутник товарищеских пирушек, загородных вылазок и самых разных встреч был неплохим продуктом. А сейчас шпроты изготавливают из некрупной салаки, тюльки, хамсы и, кажется, даже мойвы. Вот такая траектория.

Вернёмся назад, к салакам. Брюс в своём словаре привёл и второе значение шпрота: отрок, мальчик, подросток. Оттуда и пошло слово «салага».

Ещё при Петре I новобранцев называли на голландский манер спротами. Тогда же произошло изменение звучания начальной согласной, аналогично, кстати, словам «шлюз, шлюпка». С развитием флота для новобранцев стали применять голландское слово «юнга». А старое слово было воскрешено уже в наше время. Слово «салага» является так называемым арготизмом, из словаря арго – особого языка, применяемого в некоторых социально замкнутых группах. В частности, в армии.

Тем, кто ещё не наелся и не напился этимологическими блюдами и напитками, предлагаю добавить. Разумеется, питья. Начнём с коньяка, хотя известно, что надо всегда пить на повышение градуса. Напиток этот назван по городу Cognac на юге Франции, где выращивались соответствующие сорта винограда. Можно приготовить коктейль. Это слово сложилось в тридцатых годах прошлого века из двух слов: cock – поднимать и tail- хвост. Напиток производит бодрящий эффект, особенно после повторения. У пользователя проявляется задиристый нрав петуха с красивым хвостом. Слово «ликёр» французское, liquor – напиток, жидкость. Портвейн – от немецкого Portwein, проникло в Германию из Португалии, из города Porto. А вот слово «пунш» проникло в английский и другие языки из языка «хинди», где обозначало «пять», по количеству компонентов: ром, лимон, сахар, пряности, вода. Ром – сокращение Rum от rumbullion, то есть сахарная водка. Джин – английская водка, перегнанная с можжевельновыми ягодами.

Спиртные напитки, как всем известно, можно пить из любой тары, но культурные люди применяют для этой цели рюмки и фужеры. Рюмка – буквально «рим-

ский стакан», в древнерусском языке – «ромишка» (римская чаша). А вот «фужер» – слово французское, по названию города, где производилось фужерное стекло.

После такого обилия этимологических блюд и напитков захотелось что-то съесть по-настоящему, а ещё больше выпить и заодно отметить конец утомительного чтения. Всё же я почти уверен, что после этого вы будете есть и выпивать вполне сознательно, то есть со знанием этого интересного и полезного дела.

*Читайте сказку-притчу
Л. КАЗАРНОВСКОГО*

“Инструктор по летанию” на стр. 44

Щебнитесь!

Леонид
ОЛЬГИН
Антверпен

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Господи, ну и харя лица, – тоскую я, – и башку уже красить пора. Седая вся. Да и с чего бы ей не поседеть в тридцатник? Вот уже год каждое утро с ненавистью рассматриваю себя в зеркале, которое мой новоблагодарный идиот Вим приколотил прямо напротив унитаза. Поседеешь тут. На себя на унитазе глядячи. А ему хоть бы хны! Ой, или хны хоть бы мне? Совсем со сна запуталась. Нет, поняла, мне хоть бы хны, а ему пофигу... Шутка. Но в «Крюйдват» за краской идти нужно.

– Моои! – восторгается, как ребёнок. Ему всё «моои», что он своими ручонками слепить умудрился. И я не могу убедить его, что это далеко не «моои», когда в самый напряжённый момент туалетных процедур вдруг твои «глаза напротив» оказываются совсем уж близко от твоего носа. А когда, особенно по утрам, как сегодня, неожиданно глубоко задумываюсь, ухожу в себя, а затем нечаянно бросаю взгляд на своё отражение, то с испугу дёргаюсь назад и целую секунду соображаю, с кем я делю свой собственный сортир. Да и собственный ли?

Но выхода нет. Если Вим сказал «моои» – это навеки. Это, как братская дружба Фландрии и Валлонии. И дёрнул же меня чёрт поехать в эту Европу со своим первым! Идиотка.

Нет, я больше так не могу. Сегодня опять идти к этой Фриде «путсать». Ну, зачем этой старой нерышливой тётке четырёхэтажный дом? Ну, зачем десять грязных, в объедках сервизов и сто фужеров, засунутых на чердак, которые лежат там со времён поминок Клааса и ни разу не использовались и не мылись? А сегодня я должна всё это достать, помыть и расставить в кухне ради её «моои». Ну, зачем пятнадцать сковородок и десять кастрюль одного размера, которые она все сразу упорно пачкает какой-то дрянью, которую я потом не могу отскрести? И как она умудряется всё заделать за четыре дня в неделю, которые я не скребу у неё этот дом от подвала до чердака. Сил моих больше нет за три пятьдесят в час.

И ходит за мной, и ходит, и щебечет, и щебечет, и щебечет, зараза. Руководит! Я же ей один раз сказала,

что если она будет мною руководить, то я буду убираться так, как она руководит. Целых семь минут не щебетала. Всё отдых. А затем вдруг спросила, как это я умудряюсь со своим филологическим и кандидатской так хорошо убираться. У них здесь, блин, чтобы хорошо «путсать», специальные курсы закончить надо. (Господи, я же раньше даже «дураком» не ругалась!) Пришлось объяснять, что училась факультативно и сдавала экзамены экстерном. Она не поняла.

И зачем я своего Ваську съела? Ну, охламон. Ну, в депрессии был. Ну, валялся целыми днями перед телевизором или в стрелялки играл на этом чёртовом компьютере. Ну, работу не искал. А если и находил, так везде облом. Не его вина. Язык не давался. Ну, не мылся неделями последнее время, а потом с грохотом бросал свои носки в стиральную машину. Зато ведь мужик был. Настоящий. И «в торец», если надо, мог врезать тому, кто на меня не так посмотрел. И в ресторане продавщицу цветов в упор видел. И вроде не жмот был. Да и в постели был не хуже всех, кого знаю.

И уж если мои подружки покупали какие-нибудь убойные шмотки или косметику и красовались в них передо мною, бывало, только хмуро спрашивал: «Сколько эта фигня стоит?» – и тут же заначки с последней шабашки доставал. Меня спасал. И на праздники не одним цветочком отделялся, а если шёл покупать – то корзину или чтобы руками не обхватить. И на базар посылать одного нельзя было. В багажник «москвича» не умещалось. Ешьте, мол. А рукастый какой был! Только похвали. Скажу, бывало: «Васенька, счастье ты моё. Ты у меня самый лучший, самый умный, самый добрый», – и он горы сдвигал. Да и стиралку, и телевизор, и этот его чёртов компьютер, от которого он дни и ночи не отходил, он своими руками с выбросов приволок и работать заставил. Не то, что эти, блин.

Как-то раз попыталась эту же тактику к Виму применить. Надулся весь, потемнел лицом и спрашивает: «Ват хэб е нодих?» Какого, мол, чёрта нужно? Не прошёл номер – махни рукой. Я и махнула.

А вчера говорю:

– Вим, твоим деткам витамины нужны. Что же ты им фрукты-овощи не покупаешь? Зима ведь. Авитаминоз.

– Сколько? – спрашивает.

– Что сколько? – не сразу соображаю я.

– Штук сколько?

– А-а-а, – мямлю, – ну не знаю. Ну, там кило или два. Чего-нибудь.

А вечером он пришёл. И принёс... четыре яблока. Два – мальчику и два – девочке. А мне – фигушки. Сам чёрт не разберёт этого «ифнего» менталитета.

– Хочу отдохнуть, – говорю. Он заводит машину, и мы едем в Арденны или на море. Без проблем или нытья. Не то, что с Васькой, которого было с дивана не поднять при собственном «москвиче».

– Хочу в ресторан, – и вот мы уже катим к чёрту на кулички в какой-то крутой старый замок, куда пускают только во фраках. А там!.. А цены!.. Да-а-ах-х-х! Деньги есть, но... не у меня.

Нет, с Васькой лучше было. Теплее как-то, что ли? Или надёжнее. Теперь уже и не сформулирую. Тупая стала. Растерялась я здесь, растворяясь, интегрируясь в новое для меня общество. От наших ушла и к ним, наверно, не приду. Никогда. Чужое всё. Даже в деликатесных магазинах ничего не хочется. Не вкусно.

И когда при деньгах, заработанных у неряхи-Фриды и ещё трёх таких, как она, захожу в магазин

женской одежды, даже там всё не по мне. И моды не те. И сшито не так. И строчка не та. И выбора нет. И наши мамы их моды двадцать лет назад носили. А ещё эти, глаза б мои их не видели, старухи с причёсками, как будто каждый день с утра у парикмахера сидят, крутятся между ног и самые дорогие шмотки покупают. И на чёрта они им уже? И всё здесь не так, блин!

И ходят они здесь по улицам в чём ни попадя. Синие джинсы, розовая юбка, над ней зелёная прозрачная кофта на толстом свитере, а на ногах «шпильки» с каблукон пятнадцать сантиметров. Сама вчера видела. Колхоз-майdan!

А все такие приветливые, блин. До тошноты. «Чем мы вам можем помочь?» На фиг вы мне уже чем поможете!

И всё «мерси», «данк ю», «сильвупле» да «алстюблифт». А глаза смотрят сквозь тебя, и ты им на фиг не нужна. Европейская цивилизация, блин.

Дома хоть местному была нужна. Или Ваське. А здесь – никому. И тыркаюсь я здесь со своим знанием нидерландского, из которого хочется сказать-выговорить только одно: «Алстюблифтвоюмать! Радость-то какая. В Бельгии живу».

– Господи, ну и харя!

Ладно. Пора выходить. А то он уже у дверей ногами сучит. Каз-з-зёл!

Философские эссе

Немного будьте поумней,
Не трансформируйтесь в осла,
Берите в долг у тех людей,
Которые не помнят зла.

Хоть много диспутов по теме состоялось
Проблема интеграции осталась.
Так далеко ушёл процесс сближения,
Что потерял людей из поля зрения.

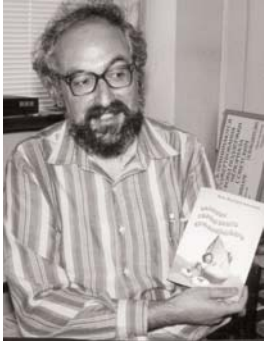
Нас отпускали с богом, не напутствовав,
Мы уезжали в возбуждении истощном,
Себя людьми едва почувствовав,
Затосковали о недавнем прошлом.

И вера, и чудо-природы одной,
Но в разум открыты ворота,
Хоть чудо, конечно, бывает порой,
Но всё это – чья-то работа.

Не утоните в заблуждениях того,
Что домоганье даму оскорбило,
Мужчины часто добиваются всего,
Что женщина заранее решила.

К сближению не найдено пути,
Несовместимости виной тому.
Мужчина думает, куда уйти,
А женщина практичная – к кому.

Игорь Погребижский

Лев
КАЗАРНОВСКИЙ
Нойс

ИНСТРУКТОР ПО ЛЕТАНИЮ

Сказка-притча

Крокодил, развалившись на берегу реки, от нечего делать разглядывал небо. Там не было ничего интересного, если не считать снующей туда-сюда Птицы. Крокодил долго терпел это, пока, в конце концов, не выдержал и гаркнул:

– Эй, ты! А ну-ка, спускайся сюда!

Птица, услышав грозный окрик, от неожиданности чуть было не врезалась в ближайшее дерево.

– Что случилось? Какое событие? Где происшествие? – затарахтела она, плюхнувшись прямо перед Крокодилом.

– Скоро случится такое событие, такое происшествие, что все об этом только и будут говорить! – сказал Крокодил.

– Как интересно! Я об этом узнаю первая?

– Не только узнаешь, ты сама примешь в нем участие!

– Ну уж нет! – всполошилась Птица. – Ни в каких происшествиях я участвовать не собираюсь. Они интересны только, когда происходят с другими. А если случаются с тобой, то приносят одни только неприятности.

– Не возражать! – рявкнул Крокодил. – Прежде всего, ты должна ответить на несколько вопросов. И учти, ты обязана говорить правду, и только правду. Итак, кто тебя научил летать?

– Мама с папой! – испуганно ответила Птица. – А что, нельзя было?

– Здесь вопросы задаю только я. А кто научил летать твою маму и твоего папу?

– Не помню... Но думаю, у них тоже были свои мама и папа.

– Ага! – сердито сказал Крокодил. – В этом всё и дело! У всех были родители, которые учили детей уму-разуму. А я с тех пор как вылупился из яйца, расту круглым и длинным сиротой, и никто даже не объяснил мне, как надо летать. Вот ты этим сейчас и займешься.

– Летать, вообще-то, учатся в детстве, – несмело возразила Птица. – Мне-то что, я могу объяснить. А вдруг из тебя никудышный летун? Всё-таки, вон какая громадина!

– У меня один закон: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим», – отрезал Крокодил. – Было бы желание. А у меня оно есть! Я, как вижу, что ты безнаказанно кувыркаешься в небе, сразу чувствую непреодолимую потребность тебя догнать и съесть. А как это сделаешь, если я не умею летать?

– Кто же виноват, что твои родители оказались такими безалаберными и не научили тебя самому необходимому? – попыталась увильнуть Птица.

– Нечего всё сваливать на родителей! – назидательно сказал Крокодил. – Кое до чего надо доходить своим умом. Давай рассказывай, что надо делать, чтобы я полетел?

Птица заволновалась. Конечно, ей было приятно, что её назначили учителем, но уж очень предложение было необычным. Впрочем, она подумала: когда ей ещё выпадет удача обучать самого Крокодила? Правда, ученик ей был не очень симпатичен, скорее, не симпатичен вовсе, но разве настоящий педагог обучает только отличников?

Усевшись поудобнее на возвышение, она взяла длинную веточку вместо указки и глубокомысленно произнесла:

– Итак, начинаем урок! Существует несколько правил, которые нужно обязательно знать, прежде чем приступить к полёту. Первое: чтобы взлететь на небо, нужно выяснить, где это небо находится. А находится оно прямо над головой. Что ты там пишешь? – заинтересовалась Птица, увидев, что Крокодил что-то царапает ногтем на песке.

– Это я чтобы не забыть, – пояснил Крокодил.

– Молодец! – похвалила Птица. – На чем я осталась?

– Значит, небо всегда находится над головой. А если я полечу кверху лапами?

Птица в недоумении уставилась на Крокодила: – А-а, нет! Я забыла предупредить, что всякое правило имеет исключения. Если ты перевернёшься на спину, то над головой у тебя будет не небо, а земля. Понятно?

– Ничего не понятно! – разозлился Крокодил. – Нормальную инструкцию составить не может. Как я в

полёте разберусь: лечу я по правилу или по исключению?

– Очень просто! – заволновалась Птица. – Вернее, просто, но не очень. Какая разница, где у тебя небо, пусть хоть сбоку торчит. Главное, запомни второе правило! Как только ты почувствуешь, что не летишь по небу, значит, уже лежишь на земле. И это очень хорошее правило, потому что в нём исключений не бывает.

– Давай побыстрее приступим к самим полётам, – сказал Крокодил. – Мне не терпится применить на практике оба правила.

– Конечно, конечно! – облегчённо перевела дух Птица. Она смутно подозревала, что теоретическая подготовка прошла не совсем гладко. Но уж сам процесс полета для нее не представлял никаких трудностей.

– Каждый полет начинается... – с воодушевлением начала Птица. – Кстати, действительно: с чего он начинается?

– Что ты мне сразу вопросы задаёшь? – рассвирепел Крокодил. – Ещё ничего толком не объяснила, а уже экзамены устраивает.

– Это я не тебе. Я от волнения, кажется, сама всё позабыла. Что-то надо сделать, чтобы взлететь, а вот что – хоть убей, не помню!

– Не морочь мне голову! Сама только что летала, а как поделиться с кем-нибудь, так сразу все из головы вылетело. Такие все жадины кругом, просто ужас! Как я среди вас живу?

– Подожди... По-моему, надо вначале побежать, а потом подпрыгнуть... Или наоборот – подпрыгнуть, а затем бежать. Да, точно! Какие тут могут быть сомнения. Я же тысячу раз всё это повторяла! Смотри и учись!

Птица сделала несколько неуклюжих скачков, но от земли оторваться так и не смогла.

– Ничего не понимаю! – запаниковала Птица. – А вдруг не вспомню? Мне теперь что, придётся всю жизнь, как курице, по земле ковылять? Хотя постой! Перед тем, как взлететь, я обязательно должна крикнуть. Да-да! – обрадовалась Птица. – Всё из-за этого. Сейчас все будет в порядке – крикну и взлечу! Наблюдай внимательно, как я делаю!

Она зажмурилась, набрала полные лёгкие воздуха и заголосила на всю округу. Кончив кричать, она открыла глаза и к своему ужасу убедилась, что по-прежнему находится на земле.

– Всё, я – калека! – запричитала Птица. – Инвалид бескрылый. Что мне теперь делать?

Неожиданно откуда-то с деревьев раздался голос Обезьяны.

– Эй, что вы тут орёте как недорезанные?

– Тихо, не мешай! – шикнул на неё Крокодил. – Это Птица учит меня летать.

– А почему так громко?

– Потому что она забыла, как это делается.

– Ха! Что может быть проще? Я сама видела, как мамы учат летать своих птенцов.

Обезьяна спрыгнула вниз, схватила обезумевшую от горя Птицу и молниеносно забралась вместе с ней на самую вершину дерева.

– Смотрите, как это делается! Родители подтаскивают птенца к самому краю гнезда и сталкивают его вниз. И пока птенец падает вниз, он уже успевает научиться летать. Видите, как всё просто?

С этими словами Обезьяна бесцеремонно спихнула Птицу с ветки. Та свалилась камнем с дерева и растянулась на земле.

– Надо же, – удивилась Обезьяна. – Не получилось! А обычно у них всё нормально проходит.

– В кои-то веки попросишь какой-то пустячок для меня сделать, – взвился Крокодил, – так помрешь, а ни от кого ничего путного не дождешься! Эй, училка, хватит валяться, нечего мою территорию засорять! Сейчас я тебя сам отправлю на небо!

Услышав разъяренный крик, Птица с трудом открыла глаза и к своему ужасу увидела, что через мгновение окажется внутри огромной пасти. Она с воплем вскочила и, не помня себя, взмыла в воздух.

– Вот! – обрадовался Крокодил. – А то: «Не получается! Забыла!» У меня разговор короткий: не хочешь – заставим, не можешь – научим! Видала, как у неё здорово вышло? – обратился он к Обезьяне. – Что бы вы тут все без меня делали? Даже летать птиц приходится учить самому. Давай, тебя тоже научу!

– Нет, нет! Не сейчас! – отпрыгнула Обезьяна, торопливо подобрав свой хвост. Чего я там не видела? Мокрые облака? Я уж лучше здесь на земле покувыркаюсь.

И пока Крокодил не заставил её тоже обучаться, она, от греха подальше, поспешно удрала. А Крокодил вытянулся на песке и снова стал мечтательно смотреть на небо. Ему, конечно, хотелось самому немного покружить над землёй, но он подумал, что мама с папой правильно сделали, не став учить его летать. Гораздо важнее то, что благодаря ему все эти птицы не путаются под ногами, а красиво машут крыльями на небе. И за это его, как инструктора по летанию, Птица могла бы и уважать, а не ругаться сверху за то, что он вырвал из её хвоста одно несчастное перо.

Павел
ВАЙНБОЙМ,
Дюссельдорф

Улыбнитесь!

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О БЕРНАРДЕ ШОУ

НАЗОЙЛИВАЯ ДАМА

К знаменитому английскому драматургу Бернарду Шоу, который был уже в летах, обратилась одна весьма назойливая дама:

– Извините, мистер Шоу, но мне хотелось бы узнать: сколько вам лет?

– О, это зависит от ваших намерений, – ответил драматург.

ЖАРКИЙ СПОР

– В клубе литераторов, членом которого был Бернард Шоу, зашёл жаркий спор о современной литературе. При этом один молодой поэт, который больше блистал очками, чем умом, с горячностью спорщика воскликнул:

– Даю свою голову на отсечение, что это не так...

– Простите, сэр, – прервал его Шоу, – но мы берём только ценные вещи.

КЕМ БЫЛ ВАШ ПАПА?

– На званом обеде один из гостей, претенциозный и бесцеремонный человек, обратился к Бернарду Шоу:

– Все говорят, что вы знаменитый драматург. А правда ли, что ваш папа был портным?

– Да, это правда.

– А почему вы не стали портным?

– Трудно сказать. Это призвание или каприз. Вот, например, ваш отец, видимо, был джентльменом?

– Конечно!

– Так почему же вы тоже им не стали?

ЧЕГО НАМ НЕ ХВАТАЕТ?

В одной компании, где был Бернард Шоу, зашёл разговор о великих достижениях современной техники. Принимая участие в этом разговоре, драматург сказал:

– Мы научились летать по воздуху, как птицы, и плавать под водой, как рыбы. Но нам не хватает одного – это научиться жить на земле, как люди.

НА ЭКЗАМЕНЕ, КАК В ТЕАТРЕ

В студенческие годы Бернард Шоу явился на экзамен неподготовленным и, вытащив билет, упорно молчал. Профессору это надоело, и он с возмущением сказал:

– Молодой человек! На экзамене, как в театре: вы – актёр, а я – зритель! Начинайте своё выступление!

– Я согласен, профессор, – покорно прошептал Шоу, – но тогда следует сюда пригласить моего однокурсника Джима.

– А он тут при чём? – удивлённо спросил профессор.

– Просто мне нужен суфлёр.

ТЕОРИЯ ДАРВИНА

Однажды Бернард Шоу беседовал со своими гостями. Зашёл разговор о теории Дарвина. Один из гостей пожелал узнать мнение Шоу, и выдающийся драматург совершенно серьёзно сказал:

– Так называемые животные были отмщены, когда Дарвин прояснил нам, что мы братья.

АД ЛУЧШЕ РАЯ

У Бернарда Шоу был набожный сосед, который считал великого драматурга неисправимым грешником, так как Шоу часто негативно реагировал на многие события жизни и жестоко высмеивал талантливых людей. Сосед говорил, что грешника Шоу ждут муки ада.

– Мистер Шоу, вам придётся выбирать между раем и адом.

– Безусловно, – ответил Шоу, – рай имеет некоторые преимущества перед адом. Например, в раю тёплый климат. Но меня более привлекает ад, так как я надеюсь там встретить очень много интересных и умных людей.

Поздравляем!

В жизни мы сталкиваемся и пересекаемся с невероятным количеством людей, но лишь немногие из них оставляют след в наших судьбах и отклик в наших сердцах. Таких людей мы величаем по-разному: Учитель, Наставник и, конечно же, Друг.

Но бывает так, что все эти три понятия сливаются в одном человеке. И тогда встреча с ним становится судьбоносной. Именно такой и оказалась для меня встреча с Элиной Авраамовной Быстрицкой.

Неотрывно наблюдая за бесчисленными перепетиями героинь этой великой актрисы, я даже не помышляла, что Судьбой уготована мне встреча с нею, встреча, вылившаяся в годы общения и поклонения. Так случилось, что эта талантливая и мудрая женщина помогла мне творчески реализоваться и создать мои лучшие произведения.

Словно бесценный подарок судьбы, бережно храню я в душе воспоминания о наших встречах, желая Элине Авраамовне новых творческих успехов, неугасающей всенародной любви и заветных друзей рядом.

Ирина ПИКМАН

Я шляпу пред тобой снимаю,
Хороший мой, старинный друг.
Я без тебя не представляю
Ни радости своей, ни мук.

Пересеклись наши дороги
В начале долгого пути.
Тебя, мой друг, наставник строгий,
Мне сердце помогло найти.

Ты – это сопереживание,
Боль за друзей и за родных.
Ты – тайна и очарование,
Энергия миров иных.

В тебе живёт такая сила,
Такая мощь, такой накал –
Сиянье землю озарило,
Когда тебя Господь ваял.

И глубину людских страданий
Ты видишь зорче ста очей,
Ведь ты – заботливее няни
И проницательней врачей.

Ты – неоконченная повесть,
Ты – неизведанная страсть.
Ты не размениваешь совесть
На золото монет и власть.

И моё сердце неизменно
Тебе, мой друг, принадлежит.
Тебе оно самозабвенно
По жизни преданность хранит.

Пусть наша дружба вечно длится.
Дай, друг, тебя я обниму
И через время, и границы
Вновь шляпу пред тобой сниму.

Мне б так хотелось звонкой нотой
В реальном мире прозвучать,
Когда свой день рожденья сотый
Ты будешь, друг мой, отмечать.